

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ

Михаил
Кунин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Михаил Михайлович Кунин
Отец Александр Мень
Серия «Жизнь замечательных
людей (Молодая гвардия)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67611356

*Отец Александр Мень:
ISBN 978-5-235-04655-9*

Аннотация

Отец Александр Мень (1935–1990) принадлежит к числу выдающихся людей России второй половины XX века. Можно сказать, что он стал духовным пастырем целого поколения и в глазах огромного числа людей был нравственным лидером страны. Редкостное понимание чужой души было особым даром отца Александра. Его горячую любовь почувствовал каждый из его духовных чад, к числу которых принадлежит и автор этой книги.

Нравственный авторитет отца Александра в какой-то момент оказался сильнее власти. Его убили именно тогда, когда он получил возможность проповедовать миллионам людей.

О жизни и трагической гибели отца Александра Менья и рассказывается в этой книге. По свидетельствам множества современников, его жизнь явила собой евангельский идеал и потому навсегда вошла в историю Церкви. Принятая им

апостольская миссия намного превзошла по длительности его краткую жизнь. Ибо его проповедь, огненное слово о живом Христе обращены не только к современникам, но и к будущим поколениям людей.

Содержание

Предисловие	6
Пролог	14
Часть первая	17
Глава 1	17
Глава 2	35
Глава 3	57
Глава 4	83
Глава 5	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Михаил Кунин

Отец Александр Мень

© Кунин М. М., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление, 2022

Предисловие

Протоиерей Александр Мень принадлежит к числу выдающихся людей России второй половины XX века. Его книги об истории религии, о Библии, о христианстве, которые с конца 60-х годов стали печататься в Бельгии издательством «Жизнь с Богом» и различными путями достигали советского читателя, становились плодотворными семенами возрождения христианской веры. Все это происходило в стране, в которой тысячи священнослужителей и мирян подвергались жестоким репрессиям с первых же дней революции 1917 года, а в 1960 году главой государства было обещано через пять лет показать по телевизору «последнего попа» и на этом с религией покончить.

В 1929 году митрополит Сергей (Страгородский), фактический глава Русской Православной церкви, пытаясь защитить Церковь от репрессий, пошел на рискованный компромисс с советской властью и издал декларацию, в которой утверждал, что в СССР нет гонений на религию, а есть только преследования за антисоветскую деятельность. С этого времени сотни епископов и священников были вынуждены уйти в подполье и нелегально продолжать свое служение. Возникла по существу «катакомбная» Церковь. Целью этой Церкви было сохранение чистоты Православия. В условиях, когда были закрыты все духовные семинарии, когда

были закрыты все монастыри и почти все храмы, а на свободе осталось лишь несколько епископов, когда преподавание религии стало уголовным преступлением, христианская вера оставалась целью и содержанием жизни многих тысяч верующих, священников и мирян. Богослужения совершались тайно по домам, необходимо было соблюдать крайнюю осторожность в контактах с людьми. Но людей, сердца которых тянулись к постижению истинного смысла человеческой жизни, Бог самыми различными путями приводил к Евангелию и к Церкви.

Можно, пожалуй, сказать, что история, изложенная в предлагаемой книге, началась с того, что одна девочка из еврейской семьи с первых лет обучения в гимназии в Харькове, едва узнав о Христе, всем сердцем потянулась к Нему и к Его Евангелию. Это влечение сохранялось и росло, и когда Елена Семеновна Мень, уже в Москве, стала женой и матерью, она приняла Крещение вместе со своим первенцем, Аликом Менем, в сентябре 1935 года. Крестил их в одном из домиков Сергиева Посада (в советское время Загорска) архимандрит Серафим (Битюков), до 1929 года настоятель храма Святых бессребреников Кира и Иоанна на Солянке в Москве. В этом доме была одна из таких «катакомбных» общин того времени. Подпольно совершались богослужения, крещения и духовное окормление членов этой общины.

Семье Мень помогала двоюродная сестра Елены Семеновны, Вера Яковлевна Василевская. Она в 1918 году закон-

чила одну из лучших московских гимназий, затем – философский факультет МГУ и впоследствии стала кандидатом педагогических наук. Вера Яковлевна, в сущности, посвятила всю свою жизнь Леночке (Елене Семеновне Мень), при этом особенно она любила Алика, и всё свое интеллектуальное и духовное богатство стремилась передать ему буквально с первых дней его рождения. Алик Мень с раннего детства проявлял себя как необычайно талантливый ребенок. И, конечно, глубоко духовная и культурная атмосфера, создававшаяся мамой и тетужкой, легла на исключительно благоприятную почву.

Предлагаемая книга замечательно передает жизнь этой подпольной православной общины, начиная с 30-х и до середины 40-х годов, когда на совещании православных епископов в одном из лагерей ГУЛАГа было принято решение о выходе «катакомбной» церкви из подполья и возвращении в храмы Русской Православной церкви. Такое решение было связано с избранием Патриарха Алексия (Симанского) на Церковном соборе 1945 года и признанием этого избрания каноническим и законным. Конечно, гонения на Церковь и верующих не прекратились, но стали несколько мягче. Об этом послевоенном периоде жизни Церкви и верующих, о духовной атмосфере этого времени также замечательно рассказано в книге.

Алик очень рано стал читать и писать. Удивительно, что первые слова, написанные им в четыре года печатными бук-

вами, стали заглавием всей его последующей жизни: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим.12: 21). В двенадцать лет, во время празднования 800-летия Москвы, когда в небо в лучах бесчисленных прожекторов был поднят на аэростатах грандиозный портрет Сталина, Алик, уже знавший о бесчисленных злодеяниях вождя народов, принял решение стать священником. Знаменательно, что мальчик избрал в качестве противостояния тирану не путь политической борьбы и революций, а служение Богу и Церкви.

В этом служении будущий отец Александр уже с детства был наставляем и избрал сам не путь церковной замкнутости и изоляции от падшего мира, а путь глубокой веры в Бога, верности Священному Писанию, Церковной традиции с одновременной открытостью миру, науке, культуре и каждому человеку.

В это же время он пережил опыт глубокой встречи со Христом. Как бы ответом на его мрачные юношеские стихи стало переживание необычайной близости внутренне явившегося ему Иисуса как света, мудрости и разума. Реальность пережитого события и близости Христа сохранилась на всю жизнь и наложила отпечаток на все дела и решения отца Александра.

Книга очень хорошо передает замечательно дружную и духовную атмосферу жизни семьи Меней. Моя жизнь сложилась так, что уже в 1946 году, когда я пошел в первый класс 554-й школы, я очень скоро решил дружить с мальчи-

ком из моего класса, Павликом Менем. С тех пор и до настоящего времени мы остаемся с Павлом самыми близкими друзьями. Мы жили на Серпуховке в соседних домах. Семья Меней стала для меня настоящей второй семьей. Я чуть не каждый день бывал у них в доме. Летом часто бывал и жил у них на даче на станции «Отдых» Казанской железной дороги. Так что могу свидетельствовать, что всё, о чем рассказывает эта книга, целиком соответствует моим воспоминаниям и пережитому времени.

Не могу не сказать об особой значимости в судьбе отца Александра Меня удивительного русского святого, преподобного Сергия Радонежского, основателя Троице-Сергиевой лавры в городе Сергиев Посад Московской области. В жизни преподобного Сергия, который, по мнению многих историков России, сыграл, пожалуй, решающую роль в объединении разрозненных русских княжеств в единое государство и освобождении от татарского ига в XIV веке, есть один поразительный факт. Он первый из устроителей монастырей средневековой Руси основал свою обитель в честь Святой Троицы. Как он сам говорил, в этом был его призыв к подражанию любви и единству Божественных Лиц в противовес ненавистной розни князей.

Именно в Сергиевом Посаде 3 сентября 1935 года семимесячный Алик принимает Святое Крещение. Именно там с этого времени принимают духовное окормление он сам, его мама и тетушка. Архимандрит Серафим сразу после нача-

ла войны, летом 1941 года, благословляет Елену Семеновну Мень с мальчиками остаться в деревне Глинково, в 5 километрах от Сергиева Посада, сказав, что немцы Сергиев Посад не возьмут. Многие подмосковные города зимой 1941 года были оккупированы немцами, но Сергиев Посад был не тронут. И, несмотря на тяжелейшие условия выживания, Елена Мень с мальчиками смогли прожить там до сентября 1943 года. В Сергиевом Посаде до 1961 года семья получала духовное окормление у схиигуменнии Марии, часто навещая ее.

В Пушно-меховом институте Александр знакомится со своей будущей женой, Наташей Григоренко, которая жила со своими родителями рядом с Сергиевым Посадом. С 1964 года семья отца Александра живет в доме Наташи. Наконец, 9 сентября 1990 года в 6.40 утра отец Александр был убит ударом топора в голову неподалеку от дома, когда он шел на электричку, чтобы ехать в свой храм в Пушкино служить воскресную литургию. Это случилось на той тропе, по которой преподобный Сергей ходил из родительского селения Радонеж на Маковец, где он основал Троице-Сергиеву лавру. На месте убиения в 2000 году построен храм, посвященный преподобному Сергию.

В заключение желание моего сердца привести несколько слов об отце Александре Мене С. С. Аверинцева, нашего замечательного литературоведа, философа и историка:

«9 сентября 1990 г., за день до Усекновения главы Иоанна

Предтечи, топор убийцы рассек голову о. Александра Меня. Голову священника на пути в храм. Недруги столько корили его нерусской его кровью (кровью ветхозаветных патриархов), и вот теперь кровь его навсегда смешана с русской, с московской землей. С землей края преподобного Сергия. Более нерасторжимой связи и быть не может. <...> Он писал и говорил на языке века, чтобы его слышали. Он мог бы сказать о себе словами апостола Павла: “Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы больше приобрести... Для немощных я был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых” (1 Кор. 9: 19, 22). Князь мира сего никому еще не прощал такого поведения. И на вершине горы – крест». (Из книги: Памяти протоиерея Александра Меня. М.: Рудомино, 1991.)

Я горячо советую взявшему в руки эту книгу прочитать ее всю, чтобы, во-первых, осознать всю тяжесть и противостественность советского времени, из которого мы, к нашему великому счастью, вышли после 1990 года. А во-вторых, почувствовать истинность и радость того пути христианской веры, который, наряду со многими другими служителями Христа, нам открывает личность, жизнь и труды протоиерея Александра Меня.

Прот. Александр Борисов

Выражаю искреннюю благодарность Ольге Ерохиной, Андрею Еремину и Евгении Штельмашенко, ставшим первы-

ми читателями и редакторами этой книги и вдохновившим автора на ее продолжение; Павлу Меню, предоставившему для этой работы множество литературных источников; Лидии Мурановой, щедро поделившейся со мной своими видеоинтервью разных лет; Сергею Бессмертному, создавшему драгоценный фотоархив, посвященный герою этой книги; и всем, кто оставил свои свидетельства о жизни и духовном подвиге отца Александра Меня.

Автор

Пролог

На 800-летие Москвы, 7 сентября 1947 года, двенадцатилетний Алик Мень увидел поднимающийся над вечерним городом аэростат с огромным портретом «отца народов» в лучах прожекторов. Это было как посягательство на единственное пространство, свободное в те годы от изображений вождя, – посягательство на небо. Тогда Алик и принял окончательное решение о следовании по пути священства. Для него было очевидно, что только путь к Богу и любовь Христа могут стать для людей путеводной звездой – вопреки террору и той идеологии, которая внедрялась в стране как основа мировоззрения, но была лишь карикатурной подменой религиозности.

Впоследствии Александр Мень напишет: «Это было где-то на рубеже детства и юности, когда я очень остро пережил бессмысленность и разрушимость мира. Тогда я исписывал тетрадки мрачайшими стихами, которые диктовались не пессимизмом характера, а открытием “правды жизни”, какой она предстает, если выносят высший Смысл “за скобки”. И тогда явился Христос. Явился внутренне, но с той силой, какую не назовешь иначе, чем силой спасения. Тогда же я услышал зов, призывающий на служение, и дал обет верности этому призванию. С тех пор оно определяло все мои интересы, контакты и занятия. Вместе с этим пришло решение

стать священником.

Неисчислимое количество раз я узнавал Руку, ведущую меня. Ее действие проявлялось даже в мелочах. Это напоминало камни мозаики, лежащие на заранее приготовленный рисунок. А над всем – если выразиться выпрненным языком – светила звезда призвания»¹.

В тот день юбилея Москвы Алик Мень отчетливо понял, что огромное большинство населения страны, которое многие десятилетия держали в темноте и неверии, в незнании Бога, оказалось обманутым и что пастырское служение становится теперь одним из самых нужных в атеистической России.

Из его воспоминаний: «Я рано получил прививку против культа Сталина. В школьные годы на тренировке в результате несчастного случая погиб мой одноклассник. Те, кто находился с ним в последние минуты, рассказывали, что, умирая, он говорил со Сталиным, который “пришел взять его к себе”. Нас, его товарищей, это озадачило: прежде мы не замечали в нем какой-то особой “идейности” (как тогда выражались). И в тот момент у меня впервые мелькнула догадка: “Ведь это религия”. В душе умирающего нечто высшее, священное приняло облик “отца”, которого мы привыкли благодарить за счастливое детство. С годами догадка превращалась в убеждение, подкреплялась множеством наблюдений и, в конце концов, помогла пониманию огромной историче-

¹ Мень А. В. О себе... М.: Жизнь с Богом, 2007.

ской трагедии, ставшей фоном юности моего поколения».

Свою миссию Александр видел с тех пор в новой евангелизации тяжелобольной России...

Часть первая

Начало пути

Глава 1

Семья

Александр Мень родился в Москве 22 января 1935 года. Поколение его родителей, ровесников XX века, сформировалось в семьях дореволюционного уклада, но многие его представители были захвачены идеями революции и начала «новой жизни».

Его отец, Вольф Гершлейбович (впоследствии принявший имя Владимир Григорьевич)² Мень, родился в Киеве

² Владимиром Григорьевичем его начали называть еще в 1930-е годы, когда он работал инженером на текстильной фабрике. Очевидно, что для рабочих такое произношение было гораздо привычнее. Когда перед самой войной Вольф

в 1902 году и в детстве учился в религиозной еврейской школе. Как вспоминал Александр, его отец помнил иврит и иногда читал наизусть пророков. Читая пророков, Владимир Григорьевич восхищался главным образом поэзией – его школьный учитель, оказавший на него определяющее влияние, принадлежал к гаскале – движению за включение европейских евреев в светскую жизнь и за отмену дискриминационных законов (что не имело ничего общего с религией). Так, будучи евреем по национальности, Владимир еще в детстве утратил веру, но настоящим атеистом не стал, оставшись человеком нерелигиозным, но с терпимостью относившимся к любой религии.

После окончания хедера, уже в годы Гражданской войны Владимир поступил в Киевский технологический институт на специальность инженера текстильной промышленности. Впоследствии он получил также диплом в области химии и стал специалистом по окраске тканей и автором ряда работ по технологии крашения.

Это был терпеливый, добрый и веселый человек. Но террор послереволюционного времени оставил в его душе след на всю жизнь: его любимый брат Яков, вышедший, как и он, из благочестивой иудейской семьи, но ставший революцио-

Гершлейбович был арестован, в документах дела уже фигурировало написание «Владимир Григорьевич». Оба его сына были при рождении зарегистрированы в актах гражданского состояния с отчеством «Вольфович», которое осталось для них официальным. Но обращаясь к ним, чаще использовали более привычное отчество «Владимирович».

нером и большевиком, членом ЦК Коммунистической партии Украины, был расстрелян по наговору жены, и это произвело на Владимира неизгладимое впечатление. Возможно, что это стало причиной поздней женитьбы Владимира Григорьевича. Он много лет ухаживал за будущей женой и женился, когда ему шел уже четвертый десяток.

Сама Елена Семеновна так вспоминала об истории своего замужества:

«Мне очень хотелось выйти замуж за верующего человека, но это не было дано. Если я узнавала о человеке, что он верующий, то оказывалось, что он уже любит другую. Но в основном молодежь, с которой я встречалась, была неверующая. А некоторые просто скрывали свою веру, так как в то время к верующим было почти такое же отношение, как к врагам народа.

Один из моих знакомых, Владимир, был инженером-технологом, специалистом в области текстильной промышленности. С ним я была знакома с 27-го года. Мне было тогда 18 лет. Он работал в Орехово-Зуеве вместе с моим двоюродным братом Веничкой, инженером-электриком. По воскресеньям они оба приезжали в Москву, и Владимир Григорьевич (так я его называла, так как он был старше меня на 6 лет) часто бывал у нас. Он обычно покупал билеты в театр или кино и приглашал меня. Я с ним везде бывала, у друзей и знакомых. Многие считали меня его невестой. Но мне в то время не очень хотелось замуж. У меня в тот период были

иные мысли и настроения.

Но годы шли, и бабушка начала настаивать, чтобы я, наконец, сделала выбор. “Ты всё смотришь на Веру³, хочешь, как и она, дослужить до николаевского солдата”, – говорила бабушка. Так говорили о девушках, которые до 25 лет не выходили замуж. Мама тоже в письмах намекала, что пора замуж выходить. Меня эти разговоры очень огорчали. Владимир Григорьевич не раз делал мне предложение, но я всегда уклонялась от этого разговора. Однажды он уехал надолго из Москвы. Когда вернулся, то поселился в Москве на казенной квартире при 1-й Ситценабивной фабрике, где он работал, и снова мы стали встречаться. Кончался 33-й год. Он пригласил меня встречать с ним Новый год в его компании. Я вначале согласилась. Но вот в церкви объявили, что в 12 ночи будет Новогодний молебен. Тогда я сказала Владимиру Григорьевичу, что не смогу с ним встречать Новый год и ни с кем не буду. Он пошел один, никого не пригласив с собой. И вдруг ему захотелось в ту ночь бросить курить. Он знал, что я не люблю, когда курят, так как курильщики делаются

³ *Вера Яковлевна Василевская* (1902–1975) – двоюродная сестра Е. С. Мень, научный работник, специалист по педагогике и детской дефектологии. Окончила психологическое отделение философского факультета Московского университета и Институт иностранных языков. Училась в университете у философов И. А. Ильина (приверженца принципа непримиримости в борьбе с коммунизмом) и Г. И. Челпанова (идеалиста и основателя Психологического института им. Л. Г. Щукиной). Автор ряда работ, часть из которых опубликована. Главная из них – «Понимание учебного материала учащимися вспомогательной школы», издание Академии наук РСФСР (М., 1960).

рабами папирасы. И он бросил навсегда курение. Я была поражена. Я поняла, что так как я предпочла молитву новогодним развлечениям, Господь положил на сердце Владимиру Григорьевичу сделать какое-нибудь хорошее дело.

Однажды он прямо поставил вопрос, почему я не хочу выходить за него замуж. Я не сразу ответила, но поняла, что дальше молчать нельзя. И сказала ему: “Потому что я исповедую христианскую веру”. Меньше всего он ожидал такого ответа. Долго мы шли молча. Наконец он сказал: “Ты теперь стала еще выше в моих глазах. А я-то думал, что ты любишь кого-нибудь другого”. На этом наше свидание закончилось. В следующий раз он сказал мне: “Но ведь то, что ты верующая, не помешает нам в нашей семейной жизни. Ты можешь ходить в церковь послушать какого-нибудь архиерея, а я буду ходить на лекции, а потом мы будем делиться тем, что нам было интересно”.

Вдруг я почувствовала, что воля Божия в том, чтобы я вышла замуж за Владимира Григорьевича, и дала свое согласие на брак»⁴.

В первое воскресенье после Пасхи 1934 года, 15 апреля, Владимир и Елена поженились. В начале следующего года у них родился первенец Александр, а спустя еще три года – второй сын, Павел.

Владимир Григорьевич обещал своей будущей жене, что

⁴ Здесь и далее приведены цитаты из книги Е. С. Мень «Мой путь» (М.: Жизнь с Богом, 2017).

никогда не будет препятствовать ее христианской жизни, и твердо придерживался этого обещания. В те годы такое решение требовало большого гражданского мужества от человека, работавшего на советской фабрике в должности главного технолога, далекого от религии и вынужденного мириться с конспиративным образом жизни членов его семьи, принадлежащих к «катакомбной» церкви.

Иллюзий относительно политического режима в стране у Владимира Григорьевича и его семьи не было. Они развеялись после ареста любимого брата, в абсолютной невинности которого Владимир Григорьевич был уверен. Он считал единственно правильным растить детей в атмосфере правды жизни, без фальши и взаимных недомолвок.

«...Несмотря на папину осторожность, дома политическая обстановка в стране не замалчивалась, – вспоминает Павел Мень. – Мнения не расходились. Мы жили в коммунальной квартире, где проживали двенадцать человек, и что-то сказать соседям было опасно. Но, невзирая на это, родители шли на то, чтобы рассказать детям о том, что происходит вокруг. Когда народ был в восторге от вождя, мы знали о том, что масса людей пострадала в этот жуткий период репрессий. Всплывающая правда о Ленине – Сталине до нас, мальчиков, доходила наравне со взрослыми. В оценке важных внешних событий мы были едины. И это тоже работало на папино доверие».

Такая атмосфера в семье стала залогом душевного здоро-

вья детей.

«Родителей отца помню плохо, – вспоминал отец Александр. – Дед был очень религиозным. Но я его видел мало (он жил в Киеве). Его отец был булочником (мелкий буржуа), а жена славилась своей мудростью. К ней ходили за советами».

Как рассказывал отец Александр, его предки по материнской линии, если судить по фамилии Василевские, происходили из Польши. «В начале XIX века они жили уже в России, и мой предок был артиллеристом в армии Александра I, – рассказывал отец Александр. – Сын его служил 25 лет при Николае I, в силу чего его дети получили право жительства в столицах.

Прабабушка моя, Анна Осиповна, могучая, волевая женщина, рано овдовела, однако сумела вырастить семерых детей: Николая, Владимира, Илью, Якова (отца Веры Яковлевны Василевской), Розу, Веру и Цецилию (мою бабушку). До самой смерти прабабушка командовала ими».

Анна Осиповна в молодости тяжело заболела, и ее исцелил отец Иоанн Кронштадтский. Это случилось в конце XIX века в Харькове, где она осталась многодетной молодой вдовой. Анна Осиповна исповедовала иудаизм, и ей помогала община, к которой она принадлежала. На нервной почве у нее началось вздутие живота, остановить которое известными способами врачи не могли. Смерть и сиротство семерых детей были совсем рядом. В те дни соседка рассказала ей, что в Харьков приехал чудотворец Иоанн Кронштадтский. Ан-

на Осиповна колебалась, поскольку не была православной, но все же пошла к нему через переполненную людьми площадь. Выслушав ее, Иоанн Кронштадтский сказал: «Я знаю, что Вы еврейка, но вижу в Вас глубокую веру в Бога. Помолитесь вместе Господу, и Он исцелит Вас от Вашей болезни. Через месяц у Вас все пройдет». Он благословил ее, и опухоль начала постепенно спадать, а через месяц от нее ничего не осталось. Сохранилась семейная легенда о той встрече.

Несмотря на вмешательство отца Иоанна Кронштадтского в жизнь семьи, дети Анны Осиповны стали вольнодумцами и интеллигентами. И притом никто из них не знал идиш.

В очерке «О моих предках и родителях» отец Александр так пишет о детях Анны Осиповны:

«Трое из сыновей [Анны Осиповны] были образованными, инженерами, жили в Москве. Это были мужики большой физической силы и с хорошими, светлыми характерами. Впрочем, Илья был смутьян, и его чуть не приговорили к расстрелу за оскорбление офицера: он был военным, солдатом, офицер оскорбил его в бане, и он своротил тому набок челюсть. Перед судом прабабушка в трауре пришла к генералу, упала на колени и сказала, что он у нее – “единственный”. Парня не расстреляли, отправили в ссылку в Иркутск, а вскоре произошла революция.

Все мамины дядья умерли во время [Великой Отечественной] войны от голода. Как все крупные люди, они не переносили недоедания (Илья мог съесть 20 котлет за раз).

Роза была красивой и мечтала стать актрисой, но прабабушка этого не допустила. Роза вышла замуж за землевладельца из Финляндии и осталась там после революции. Ее дети, мои двоюродные дяди, выросли там. Один из них погиб во время Финской войны. После смерти мужа Роза уехала в Израиль, где и умерла (туда же уехал и другой ее сын).

Цецилия, моя бабушка, была страстной, волевой, религиозной женщиной. Она мечтала о научной карьере, в 1905 году уехала в Швейцарию и поступила в Бернский университет. Там встретила юного одессита Соломона Цуперфейна и вышла за него замуж. У меня сохранился их брачный контракт. Дед обожал ее до конца дней. Умерли они почти одновременно. Его отец (мой прадед) был одесским контрабандистом бабелевского типа: был отчаянным, страшно пил, имел 22 ребенка, погиб по глупости, когда на спор полез в какой-то котел».

Примечательно, что бабушка Александра Цецилия из любви к мужу поменяла медицинскую специальность на одну из областей химии. Супруги окончили химический факультет университета, и уже во время учебы в Берне в 1908 году у них родилась дочь Елена. «Дед между лекциями бегал взглянуть на нее. Был он сентиментален, постоянно говорил по-французски (его звали “французиком”, быть может, за усы). Окончив университет, они поселились в Париже. Летом 1914 года приехали в Россию навестить родственников. Дед был мобилизован, а семья поехала в Харьков, где

и жила до Второй мировой войны. Дед держал потом на стене свою полевую сумку, в которой застряла пуля», – продолжает отец Александр.

В Швейцарии Цецилия Цуперфейн не раз слушала выступления Ленина и, несмотря на иудейское вероисповедание, прониклась его социалистическими идеями. После революции в России Цецилия стала искренне советским человеком, и когда ее дочь в возрасте девяти лет потянулась к христианской вере, отнеслась к этому крайне отрицательно.

Сама Елена Соломоновна (Семеновна) писала о том, что почувствовала Бога в самом раннем возрасте. Ее мать незаметно вложила в сердце дочери понятие о Боге – Творце вселенной, любящем всех людей. Когда она впервые услышала слова о страхе Божиим, то с недоумением спросила маму: «Мы ведь любим Бога, как же мы можем Его бояться?» Мама ответила ей: «Мы должны бояться огорчить Его каким-нибудь дурным поступком». Этот ответ вполне удовлетворил Елену. Но душевная связь у нее была особенно сильна с ее бабушкой, Анной Осиповной, глубоко верующим человеком. Елена Семеновна так вспоминала о ней: «Я наблюдала, как она каждое утро молилась, горячо и искренне, и ее молитва как бы переливалась в меня... Бабушка меня ничему не учила, но ее пример и ее любовь ко мне действовали сильнее всяких нравучений... У меня появилась потребность молиться. О чем я тогда молилась, я не помню, но молилась всегда перед крестом церкви Св. Николая, который

был виден из нашего окна и удивительно горел перед закатом солнца. Мне это казалось чудом. Казалось, что, кроме естественного света, он сиял и каким-то иным Светом...» В частной гимназии, в которой училась Елена, она всегда оставалась на занятия по Закону Божьему, которые были свободными для посещения представителями иных вероисповеданий. Священник рассказал однажды о том, что Бог един, но в трех Лицах: Отец, Сын и Святой Дух. «Я это восприняла как аксиому, все просто и ясно уложилось в моем сердце. – пишет Елена. – В первом классе я с большим интересом слушала уроки по Ветхому Завету. Часто брала у девочек учебник и прочитывала то, что было задано.

Мама моя в это время давала уроки французского и немецкого языков и дома занималась с отстающими учениками. Была война, папа был на фронте. Маме приходилось думать о пропитании меня с братом, бабушки и себя. Бабушка вела хозяйство и много помогала маме. И морально, благодаря своей твердой вере, она крепко поддерживала маму в самые трудные военные годы...

Однажды одна из маминых учениц оставила у нас учебник Нового Завета, а сама уехала в деревню на летние каникулы. Я начала читать этот учебник (Новый Завет в изложении священника Виноградова) и чем дальше читала, тем более проникалась его духом и тем больше разгоралась во мне любовь ко Христу. А когда я дошла до Распятия и услышала слова: “Отче, прости им, ибо не ведают, что творят”, во

мне что-то вздрогнуло, со мною произошло потрясение, какого никогда не случалось ни до, ни после того момента. Я забивалась в какое-нибудь укромное местечко и часами не сводила глаз с Распятия, целовала и обливала Его слезами. Я дала себе обещание непременно креститься». Вскоре, девяти лет от роду, она сказала матери о своем решении. Мать была в ужасе, начала кричать и даже бить ее, но Елена была непреклонна и твердила о том, что всё равно примет крещение. Вскоре вернулся с фронта ее папа, и мама рассказала ему о желании дочери. Папа постарался воздействовать на Елену лаской и любовью, но она твердо сказала ему, что всё равно выполнит свое намерение. Несмотря на запрет матери, она читала взятые в библиотеке книги о первых веках христианства – «Фабиолу» Уайзмана, «Камо грядеши» Сенкевича и «На рассвете христианства» Фаррара – и эти книги дали ей силы и вдохновение для дальнейшего противостояния матери.

«Я была еще ребенком и много играла. Все мои игры были наполнены содержанием тех книг, которые я читала. Даже в школьном хоре пели такие песни, как “Был у Христа Младенца сад”. Эта песня на меня необычайно сильно подействовала. Я как бы чувствовала себя среди еврейских детей, которые сплели для Христа венок колючий из шипов», – продолжает она.

В пору взросления во всех поэтических и литературных произведениях Елена искала христианские мотивы, близкие

ее душе. Позже она примирилась с родителями и переехала из Харькова к двоюродной сестре Вере в Москву. С Верой у Елены с юных лет возникла особенная душевная близость, и родство по духу сплотило их на всю жизнь.

«В 1924 году я кончила семилетку и поехала погостить в Москву к бабушке, которая с 20-го года переселилась к сыну, потерявшему жену. У сына, моего дяди Яши, осталось двое детей: сын Веня и дочь Верочка. Все они приняли меня с большой любовью. А Верочка сразу привязалась ко мне, да и я к ней. Мы почувствовали, что души наши чем-то особенно близки друг другу, хотя характеры резко отличались: Верочка была замкнутой, большей частью грустной. Она всё еще никак не могла примириться со смертью матери, которую они с братом нежно любили.

Я была жизнерадостной, веселой девочкой, мне только что исполнилось 16 лет. Я радовалась жизни, радовалась тому, что меня окружают любовью и заботой. И когда мне предложили остаться в Москве и держать экзамен в восьмой класс, я охотно согласилась. Мама с папой тоже разрешили остаться в Москве, – вспоминает Елена Семеновна. – До 31-го года я работала и училась. В 31-м году закончила курсы чертежников-конструкторов и продолжала работать в проектной конторе “Кожпроект”. Когда я получала новое задание – чертеж или какую-нибудь другую работу, я мысленно испрашивала благословение Божие на эту работу и благодарила Бога, когда кончала работу: никто меня этому не учил,

это была у меня внутренняя потребность. Иногда мне очень хотелось помолиться. Тогда я уходила на плоскую крышу нашего учреждения (большой дом у Устьинского моста, который мы сами проектировали) и там находила место, где меня никто не видел. Никто из сотрудников, кроме моих близких друзей Ани⁵ и Лины, не догадывался о моем мировоззрении. Только однажды, на Пасху, один из наших инженеров, как бы в шутку, обратился ко мне с праздничным приветствием: “Христос воскрес, Елена Семеновна!” Я ему так ответила: “Воистину воскрес!”, что он попятился назад с открытым ртом».

Определяющее влияние на становление Александра Меня оказали именно мать и ближайший круг ее единоверцев, которые в те тяжелые годы сохранили светильник веры и раскрыли перед ним Евангелие. Удивительный дар сердца, которым обладала Елена Семеновна, – дар ясного и глубокого понимания христианского мироустройства и нравственных основ человеческих отношений – благотворно повлиял на Александра, дал ему внутренний стержень.

Вера Яковлевна Василевская, двоюродная тетя Александра Меня, была на несколько лет старше Елены, и ее внутренний мир был более сложным, чем у сестры, а восприятие окружающей действительности – более печальным и порой трагичным. Вера росла замкнутой и грустной девушкой и в этом отношении была полной противоположностью жизне-

⁵ Племянница П. А. Флоренского.

радостной и веселой Леночке (как называли близкие Елену Семеновну). «Счастлив тот человек, который на всю жизнь сохранил чувство реальности мира, вечно воссоздающегося благодатью Божией и покоящегося в лоне своего Творца. Это чувство непосредственно дано ребенку, но, не освещенное верой, оно быстро гаснет и сменяется мучительными исканиями, которые находят свое выражение в бесчисленных детских вопросах. Большая часть этих вопросов остается не только не отвеченной, но и не заданной: почему увядают цветы? Почему умирают люди? Почему злой ветер гонит листочки? Почему так много страшного в злом непонятном мире за пределами детских сказок и игр?»⁶ – писала Вера Яковлевна в воспоминаниях о своем детстве. Она часто размышляла о греховности и неотвратимости греха в окружающей ее мирской жизни.

«Религиозное чувство родилось у меня в душе очень рано, оно возникло вместе с чувством истории, осознанием своей принадлежности к народу, который “открыл” Бога для человечества. Люди жили во тьме язычества, когда в Израиле “открылся” Единый Истинный Бог. Другие народы открыли вращение земли, электричество, закон тяготения и многое другое, но то открытие, которое было дано еврейскому народу, было самым важным. Мысль об этом наполняла детскую душу чувством большой нравственной ответственности», –

⁶ Здесь и далее приведены цитаты из книги В. Я. Василевской «Катакомбы XX века» (М.: Фонд имени Александра Меня, 2000).

писала Вера Яковлевна.

Самым душевно близким для Веры человеком с детства была ее мама. Мать Веры жила как будто «у крайнего небесного круга» – настолько мало привлекало ее всё материальное и настолько одухотворенной любовью она любила своих близких. Она умерла, когда Вера была еще совсем юной и училась на философском отделении Московского университета. Смерть матери стала огромным потрясением для Веры. Мир для нее опустел, утратил не только привлекательность, но и реальность. «Занятия философией и психологией в университете, хотя и глубоко захватывали, но не давали той пищи, которую просила душа», – писала Вера Яковлевна.

С восемнадцати лет каждое воскресенье Вера испытывала необъяснимую печаль. Однажды утром, когда Вера работала в летнем детском лагере, она услышала вдали колокольный звон. «У всех воскресенье, а у тебя не воскресенье», – сказал неожиданно один из малышей, окружавших Веру.

Вскоре она поступила работать в детский сад, продолжая занятия в университете. В общении с детьми Вера в большей степени чувствовала возможность собственной реализации и взаимного понимания, чем со взрослыми. И действительно, у нее открылся большой дар общения с детьми, понимания их нужд и душевных потребностей. Впоследствии Вера Яковлевна стала специалистом по педагогике и детской дефектологии. А в те годы, работая в детском саду, она познакомилась с девушкой, благодаря которой впоследствии по-

пала к своему будущему духовнику, отцу Серафиму (Битюкову)⁷, что стало поворотным моментом в ее жизни. Ее путь к крещению был трудным и полным глубоких переживаний. Мешали противоречия, которыми в то время была раздрана Церковь, необходимость конспирации и фактического обмана даже самых близких людей ради встречи с духовным отцом, воспоминания о еврейских погромах, начинавшихся с крестного хода, тяжелые исторические ассоциации, которые вызывали у Веры еврейские слова «авойдо зоро» – чужое служение.

У Веры Яковлевны не было собственной семьи. Приняв крещение, она полностью отдала сердце Богу и стала вторым духовным наставником детей Елены Семеновны, полюбив их всей душой. После рождения Алика Вера Яковлевна долгие часы проводила у его колыбели. Ее вдохновенная поэтическая натура нашла выражение в написании чудесных стихов-песен, посвященных маленькому Александру и полных внутренней, глубинной музыки. Многие образы, содержащиеся в песнях, написанных Верой Яковлевной в первые два месяца жизни Алика, нашли отражение в ряде последующих событий жизни Александра Меня, заставляя задуматься о ее прозорливости. Не вызывает сомнения то, что заряд любви и света, вложенный в эти песни, сопровождал Алек-

⁷ В следственном деле архимандрита Серафима (ГА РФ Д.П – 37387) везде фигурирует его личная подпись с написанием фамилии «Битюков». В дальнейшем это написание изменялось в различных источниках – возможно, по ошибке либо в целях конспирации.

сандра Меня всю его жизнь.

Родственная и духовная связь Веры Яковлевны с сестрой уже не прерывалась.

Глава 2

Крещение в «катакомбной» церкви

3 сентября 1935 года в семимесячном возрасте Александр Мень был крещен священником «катакомбной» церкви архимандритом Серафимом (Битюковым) в тайном храме маленького неприметного дома в Загорске. Вместе с сыном приняла крещение и Елена Семеновна.

Вот как отец Александр описывал развитие событий в Русской Православной церкви после революции:

«После Октябрьской революции в России существовало два официальных направления Русской Православной Церкви: “обновленческая” Церковь, впоследствии вносившая изменения в обряды и открыто сотрудничавшая с властями, державшими курс на искоренение религии как “предрассудка”, и “тихоновская”. Патриарх Тихон стремился к мирному сосуществованию с государством, но при этом старался избегать тех компромиссов, которые подрывали бы основы церковной жизни.

В 1925 году патриарх Тихон умер. В конце 1920-х годов начались массовые репрессии. Храмы и монастыри закрывались, а многие тысячи священников, епископов, монахов и ревностных мирян отправляли в тюрьмы, лагеря и ссылки под предлогом “борьбы с контрреволюцией”. В это время заместитель патриаршего местоблюстителя митрополит Сер-

гий (Страгородский) выступил с официальным заявлением, отрицая наличие религиозных гонений в стране. То есть он, как и обновленцы, пошел по пути сотрудничества с государством, гнавшим Церковь, и полного подчинения ему».

В действительности же, как писал Александр Мень, «натиск, обрушившийся на Церковь, превзошел по своей силе всё, что знала история от времен римских императоров и французской революции».

В декларации митрополита Сергия говорилось о вредительской и диверсионной деятельности «наших зарубежных врагов». «Необходимо показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего Советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и Правительством», – заявил Сергей. Кроме того, из тактических соображений он фактически шел на целый ряд компромиссов с советской властью с целью сохранения контроля над жизнью Церкви.

Духовенство, не приемлющее проводимую митрополитом Сергием политику лояльности советской власти и отказавшееся почитать богоборческую власть за богослужениями, образовало временные автокефалии епископов на основании разрешения, данного в свое время патриархом Тихоном на случай чрезвычайных обстоятельств. Фактически эти временные автокефалии, как и священники, не принявшие политику митрополита Сергия, оказались в оппозиции к Церкви и советской власти. Они приняли на себя основной шквал

репрессий тех лет. И хотя большинство непокорных священнослужителей были арестованы, они продолжали руководить своими духовными чадами из ссылки и лагерей. Те же, кто остался на свободе, перешли на нелегальное положение, тайно руководя своей паствой и совершая тайные богослужения в частных домах. После 1927 года в России возникло явление, получившее впоследствии название «катакомбной» церкви. Ее представители ставили своей целью сохранить в чистоте дух Православия, не сдаваться, вопреки расколам и разномыслиям в церковной среде, и не идти ни на какие компромиссы. Большинство таких священников были людьми удивительной внутренней цельности и духовной силы, оказавшими колоссальное влияние на паству, оставшуюся под их крылом в поисках подлинной веры и бескомпромиссного служения Христу.

В Московской области к «катакомбной» церкви принадлежали архимандрит Серафим (Битюков), отец Петр Шипков (бывший секретарь патриарха Тихона), иеромонах Иеракс (Бочаров), отец Дмитрий Крючков, отец Владимир Богданов и др. Большинство из них признавало своим архиереем епископа Афанасия (Сахарова).

Вот что отец Александр Мень пишет о Сергее Михайловиче Битюкове (архимандрите Серафиме):

«С ранних лет он почувствовал призвание к церковному служению, однако сан принял в зрелые годы. Получив техническое образование, Сергей Михайлович работал на од-

ном из столичных предприятий. В то же время он стал посещать Оптину пустынь, слушал лекции в Московской духовной академии, изучал богословие и святоотеческую литературу. Это был человек разносторонне одаренный, с широкими интересами, всецело преданный Церкви.

Подобно двум другим выдающимся деятелям русской Церкви, о. Сергию Булгакову и архиепископу Луке Войно-Ясенецкому, он был рукоположен в самое тяжелое для Церкви время, в 1919 году, и несколько месяцев служил в храме Воскресения в Сокольниках вместе с о. Иоанном Кедровым – строителем храма и основателем “сокольнической” общины.

Перед тем о. Сергию предложили настоятельство в церкви Вознесения у консерватории. Но он, пожалев молодого священника о. Дмитрия Делекторского, который должен был ехать в село на верную гибель, уступил ему место⁸.

В 1920 году о. Сергей был вызван Патриархом Тихоном и назначен в церковь свв. бессребреников и мучеников Кира и Иоанна на Солянке. В 1922 году он принял монашество с именем Серафим, а в конце 1926 года был возведен в сан архимандрита. По слухам, его готовили к архиерейскому слу-

⁸ Отец Дмитрий Делекторский служил в храме Вознесения до самого его закрытия. Оттуда он перешел в церковь Рождества Иоанна Предтечи (на Пресне), где и служил до самой смерти (1970). Будучи уже глубоким старцем, о. Дмитрий с благодарностью вспоминал о. Сергия (Серафима), ибо был уверен, что в селе, куда его назначили, он был бы арестован или убит. (В храме на Пресне по благословению схиигумении Марии в 1950-е годы прислуживал Александр Мень.)

жению.

Вскоре о. Серафим был арестован по обвинению в укрывании церковных ценностей. То было время, когда множество духовных лиц и мирян пострадало, защищая свои святыни. Но впоследствии дело против о. Серафима было прекращено, так как выяснилось, что ценности увезли сербы (их подворье находилось в церкви свв. бесср. мчч. Кира и Иоанна).

Декларация митрополита Сергия вызвала у архимандрита отрицательную реакцию. В июле 1928 года он удалился из храма и перешел на нелегальное положение. По этому пути пошел и другой священник “солянкой” церкви иеромонах Иеракс (в миру Иван Матвеевич Бочаров), который служил там с 1929 по 1932 год. С этого времени все духовные лица, отказавшиеся принять линию митрополита Сергия, были арестованы (если не успели скрыться), а храмы их были закрыты».

Из воспоминаний прихожанки «солянского» храма начала 1920-х годов Веры Алексеевны Корнеевой:

«Никогда, ни раньше, ни после, я не переживала того, что испытала в тот день (когда впервые пришла к о. Серафиму). Во-первых, я почувствовала, что моя жизнь и судьба никому на свете так не дороги, как ему, и уже одно это обязывало меня к послушанию. А еще то, что после исповеди я испытала такое успокоение, такую радость и легкость на душе, которых забыть нельзя. Этот день решил мою судьбу.

Так как этот храм был не приходским – это бывшее “Серб-

ское подворье” – там царили особые порядки, которые установил о. Серафим. Во-первых, служба была, как в монастырях, без всяких сокращений, много времени уходило на исповедь, а народу все прибывало. Батюшка относился к храму и богослужению с великим благоговением, для него это был Дом Божий не на словах, а на деле. Такого же отношения требовал от всех, начиная с алтаря и певчих. Не допускал никакого шума, никаких разговоров и толкучки...

Особенностью Солянки было и то, что никогда, в отличие от Маросейки, там не ощущалась граница между “своими” и пришлыми. Всякий пришедший чувствовал себя “своим”, желанным гостем. В этом – заслуга о. Серафима и сослужащих священников.

Поскольку это был храм “бессребреников”, то батюшка постановил за правило – ни за что и ни с кого в церкви денег не брали. Все требы совершались бесплатно. Платили только за просфору и за свечку. С тарелкой никогда не ходили – при входе у дверей стояла кружка. В то время церкви душили налогами. Вот и нам прислали большой налог. Прихожане стали упрашивать, чтобы он разрешил ходить с тарелкой – и так его доняли, что он сказал: “Ну, если вам так хочется, то стойте на паперти, а в храме не разрешу”. И эта женщина с тарелкой стояла позади всех нищих. Я думаю, что ей клали больше, чем при обычных сборах. Как-то потребовался большой ремонт, а денег не хватало, прихожане охали и ахали, а батюшка помолился святым бессребреникам, и

нашлись люди, которые помогли и работой, и материалами. Всё сделали и все налоги уплатили.

Батюшка так любил церковную службу, так умел сделать ее торжественной и доходчивой, что заражал этим и певчих, и народ. Все, кто работал в храме, – уборщицы, певчие, прислуживающие в алтаре, – все работали бесплатно. На клирос попадали только по его благословению, а направлял он туда людей, не считаясь со слухом, а только для духовной пользы.

<...>

В 1927 году прошла полоса повальных арестов среди верующих. Очень много попало певчих, церковных старост и помогавших в церкви.

Запомнился самый печальный день в нашей жизни. В 1932 году накануне Благовещения арестовали наших священников о. Дмитрия (Крючкова) и о. Алексея (Козлова), и некому было служить⁹. Дьякона Виктора Щеглова арестовали раньше, в 1930 году. Побежали просить по другим церквям, но и там было опустошение. Нигде не смогли найти священника. Народу – полна церковь, горят лампы и свечи, певчие на клиросе, а священника нет! Решили служить всеобщую при закрытых Царских вратах. Народ стоял и плакал. Это была последняя служба в нашем храме»¹⁰.

⁹ Как уже упоминалось, о. Серафим в 1928 году перешел на нелегальное служение.

¹⁰ В. А. Корнеева. Воспоминания о храме свв. бесср. Кира и Иоанна на Солянке.

Мария Витальевна Тепнина, прихожанка того же храма, вспоминала:

«Церковь на Солянке была очень маленькая, туда ходили люди одни и те же, духовные дети отца Серафима. К нему относились уже как к старцу, службы были такие, что, действительно, стоишь и не знаешь, где ты, на земле или на небе. И люди жили этими богослужениями. <...> Мой отец очень строго следил за нашим воспитанием, в частности, за мной больше всех. И когда он узнал – я не скрывала этого – о том, что я прилепилась, как это называлось, к одной церкви, он побывал там и заявил: “Ходи куда хочешь, только не туда. Это скрытый монастырь”.

<...> А другая община была “мечевская”¹¹, она такая была известная, гораздо многочисленней. Я, когда несколько раз туда попала, то не захотела туда ходить. Потому что, несмотря на то, что все взгляды, обстановка, всё было совершенно одинаковым, – там чувствовалась община. Свои – это одно, а к посторонним отношение совершенно другое. <...> А в храме на Солянке было гораздо свободнее. Там такого разграничения особого не было.

В 28-м году отец Серафим уже ушел в затвор. Так что я его знала всего три года его служения там. Если бы он не ушел, его бы, конечно, моментально арестовали, потому что тут же

¹¹ Святой праведный протоиерей Алексей (1859–1923) и его сын священномученик протоиерей Сергей (1892–1941) Мечевы канонизированы в 2000 году. Оба служили в храме Святителя Николая на Маросейке. Подробнее о них см. в книге: Маросейка. М., 2001.

арестовали молодого священника, отца Алексея Козлова, и дьякона, и послали в ссылку. Оставался еще отец Владимир Криволуцкий.

Отец Серафим ушел в подполье не из-за боязни быть репрессированным. Нет. Это был раскол церковный. Митрополит Сергей заключил союз с советской властью, подхватив то, что не сумели, вернее, не успели сделать “обновленцы”. Он сделал заявление, что вся масса осуждаемого и репрессированного духовенства преследуется не за религиозные убеждения, а только за политические. Репрессии сразу же усилились, Соловки были переполнены духовенством. Тогда ведь осталось 19 епископов на всю страну. Остались лишь какие-то группы. И когда митрополит Сергей объявил в церквях о поминовении властей, – вот тогда разделились: Маросейка отошла, Солянка, еще Даниловский монастырь...

В церкви, которые признали руководство митрополита Сергея, я не ходила. Для меня это было целой драмой, ведь богослужение стало для меня жизнью. Я иду, вижу – идет богослужение, и прохожу мимо. Страстная неделя, богослужение совершается, – я прохожу мимо, потому что там была эта “поминающая” церковь. Такую установку давал митрополит Кирилл, который был назначен патриархом Тихоном первым местоблюстителем¹². Он говорил, что кто понимает, кто зна-

¹² В завещательном распоряжении патриарха Тихона от 25 декабря 1924 года митрополит Кирилл (Смирнов) был назван первым, к кому временно переходят

ет Истину, тот должен стоять в оппозиции, потому что это единственный для нас способ свидетельствовать об Истине. Я эту свою линию выдержала»¹³.

Тем временем священнослужители, отказавшиеся принять линию митрополита Сергия и не успевшие скрыться, постепенно были арестованы, а храмы их были закрыты.

Отец Серафим, чудом избежавший ареста, тайно жил в разных местах и со временем поселился в Загорске, неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, у монахини Дивеевского монастыря Сусанны (Ксении Ивановны Гришановой), где жил в затворе. В неприметном домике в центре города¹⁴, в маленькой комнате перед иконой Иверской Божией Матери был поставлен алтарь, перед которым служил литургию отец архимандрит. Этот дом стал одним из островков подлинного христианства, куда стекались духовные чада отца Серафима и где совершали богослужения близкие ему по духу священнослужители. Поразительно то, что в условиях красного террора, доносов и тотального угнетения личности в стране этот церковный очаг сохранялся нетронутым вплоть до са-

«патриаршие права и обязанности» в случае кончины патриарха. Однако в связи с нахождением митрополита Кирилла (и второго кандидата – митрополита Агафангела) в ссылке в управление Патриархией по смерти патриарха, последовавшей 7 апреля 1925 года, вступил митрополит Петр (Полянский). После ареста последнего 10 декабря 1925 года заместителем местоблюстителя стал, на основании завещательного распоряжения митрополита Петра (Полянского) от 23 ноября 1925 года, митрополит Сергей (Страгородский).

¹³ М. В. Тепнина. Из воспоминаний-интервью.

¹⁴ Дом 29 по улице Пархоменко в Загорске.

мой смерти архимандрита Серафима в 1942 году.

Отец Серафим называл себя последователем оптинского старца Нектария и был продолжателем традиций старчества. Его подход к людям был всегда глубоко индивидуальным, любые советы касались только конкретной личности и не могли относиться к другим людям. С каждым из своих прихожан он беседовал и переписывался отдельно, внимательно следя за каждым душевным движением своих подопечных.

«Встреча с о. Серафимом, общение с ним, крещение и последующее его руководство моей жизнью – для меня самое подлинное и великое чудо и, в то же время, самая неопровержимая, центральная реальность моего существования. Видимое руководство о. Серафима началось в 1935 и окончилось в 1942 году с его смертью, но в действительности оно началось еще в 1920 году, т. е. продолжалось более 20 лет, а незримо, несомненно, продолжается и сейчас, так как та духовная связь, которая создалась при крещении, не может быть расторгнута концом земного существования», – написала впоследствии Вера Яковлевна.

Работая в годы студенчества в детском саду, она познакомилась с давней прихожанкой «солянского» храма Тоней Зайцевой, через которую значительно позже узнала отца Серафима и которая 14 лет спустя стала ее крестной матерью. Тоня была ровесницей Веры и так же, как и она, потеряла недавно любимую мать. Общим было и то, что обе они чувствовали себя чужими в окружающем их мире и находили

радость и утешение в общении с детьми. Христос часто приходит к людям посредством общения родственных душ.

«Я знала, что Тоня живет совсем особенной жизнью, резко отличающей ее от всех остальных. Я чувствовала в ней большой ровный свет, который озарял ее душу и жизнь и как бы переливался за пределы ее личности. Я не умела и не решалась спрашивать об этом, она не умела и не решалась рассказывать. Лишь один раз, когда мне было особенно грустно, Тоня сказала: “Есть люди, с которыми можно говорить, как с мамой”. Эти слова глубоко запали в мое сердце, но об этом я не решалась спросить. Это была тайна, которая должна была раскрыться когда-нибудь сама собой», – писала Вера Яковлевна.

И тайна эта постепенно ей приоткрылась. Через некоторое время обстоятельства жизни Тони изменились, она уехала в другой город, и Вера стала писать ей письма в поисках своего духовного пути и истины. Постепенно на письма стали приходиться ответы, и часто в этих ответах содержалась такая проникновенная глубина и сила веры, что трудно было представить себе, что они написаны совсем молодой женщиной. Тоня постепенно вводила подругу в круг паствы отца Серафима, и он принял духовное руководство в отношении Веры.

Личность Тони произвела большое впечатление также и на Елену Семеновну. Ее тоже поразила обстановка Тониной комнаты. Все стены были увешаны иконами. «Я почувствовала трепет и благоговение, которые бывают, когда заходишь

в церковь, – пишет Елена Семеновна в воспоминаниях о своем жизненном пути. – О чем мы тогда беседовали, не помню, я почти все время молчала.

Тоня была девушкой глубоко верующей, и это отражалось во всем ее поведении, во всех ее словах. Я знала, что у нее был духовный отец – старец. Как-то я прочитала “Братьев Карамазовых”. Эта книга произвела на меня очень сильное впечатление. Всё, что говорилось в ней о старце Зосиме, поразило меня. Достоевский так сказал о старце: “Это человек, который берет вашу душу в свою душу и вашу волю в свою волю”. Я остановилась на этих словах и подумала: “Как хорошо было бы мне иметь такого старца!” Алеша Карамазов стал моим любимым литературным героем, а Достоевский – моим любимым писателем».

Однажды Тоня попросила у Елены их совместную с Верой фотографию, и Леночка дала ей любительское фото. При следующей встрече Тоня сказала Леночке, что показывала эту фотографию своему духовному наставнику и он сказал ей, что сестры «прошли половину пути». Лена поняла, что есть человек, который следит за их духовным ростом и молится за них.

Поскольку в январе 1935 года у Елены Семеновны должен был родиться первенец, а ни она, ни Вера еще не чувствовали себя готовыми к крещению, Тоня предложила сестрам крестить сначала ребенка, на что они обе с радостью согласились. «Таким образом, вопрос о крещении Александра был

решен задолго до его рождения по указанию и благословению о. Серафима. После рождения Алика батюшка прислал письмо, в котором давал Леночке указание о том, чтобы во время кормления ребенка она непременно читала три раза “Отче наш”, три раза “Богородицу” и один раз “Верую”¹⁵. Так он считал необходимым начинать духовное воспитание с самого рождения.

«Бабушка наша и другие родственники настаивали на совершении ветхозаветного обряда над ребенком, но Леночка протестовала, – вспоминает Вера Яковлевна. – Пришлось просить Тоню специально поехать к о. Серафиму спросить, как поступить. Ссылаясь на слова апостола Павла, о. Серафим благословил уступить в этом вопросе.

Крещение Алика и Леночки было назначено на 3 сентября 1935 года. Я поехала провожать их на вокзал. Странное чувство овладело мною: тревога и неизвестность сочетались с чувством радости о том, что должно совершиться. На вокзале я сказала Тоне: “Я ничего и никого не знаю, но во всем доверяюсь тебе”. “Можешь быть спокойна, – ответила она, – но если хочешь, поезжай с нами”. Этого я не могла сделать!..»

«Евангелие я читала постоянно, – вспоминает период своей беременности Елена Семеновна. – Некоторые места действовали на меня с огромной силой. Но сильнее всего меня потрясли слова: “Кровь Его на нас и на детях наших!” Ко-

¹⁵ В этом заключается краткое молитвенное правило преподобного Серафима Саровского.

гда читала это место, я почти теряла сознание. Верочка часто ездила ко мне и оберегала с особенной заботливостью.

Нам всем казалось, что родится мальчик, и я заранее выбрала ему имя – Александр. А мама в письмах называла его Аликом задолго до рождения. Я ушла в декретный отпуск за полтора месяца до рождения ребенка, а мама приехала в Москву за месяц до родов.

22 января 1935 года я родила моего первенца – Александра. Роды были тяжелые, длительные, тянулись почти сутки. Но зато когда мне впервые принесли кормить крохотного, беспомощного младенца, я была счастлива. На ручке у него был браслетик с надписью: “Мень Елена Семеновна. Мальчик”».

О своем решении креститься Елена Семеновна вспоминает так:

«Тоня спросила, не хотела бы я крестить Алика. Я сказала, что очень хочу крестить его, но не знаю, как это сделать. Тоня вызвалась помочь мне в этом. Потом она спросила, не хотела бы и я креститься. Тут вдруг на меня напал какой-то страх, и я отказалась. “Значит, будем крестить одного Алика”, – сказала Тоня. Она еще немного побеседовала со мной и отправилась домой. Я пошла ее провожать. На обратном пути сильный порыв мыслей и чувств охватил меня. С девятилетнего возраста я собиралась креститься. И вот прошло 18 лет, и когда передо мной этот вопрос встал вплотную, я испугалась, смалодушничала и отказалась. Почему? Как это

могло произойти? Тут же я села писать Тоне покаянное письмо и, конечно, сказала, что с радостью приму крещение.

Через некоторое время Тоня снова ко мне приехала. Она показала мое письмо своему старцу, и он сказал, что как только мой муж уедет в отпуск, я могу сразу с Аликом и с Тоней к нему приехать. Володя второго сентября должен был быть уже на Кавказе. На этот день я и назначила Тоне приехать в Москву, к Верочке, и сама с Аликом приехала туда из Томилина. Бабушка моя в этот день была особенно нежна со мной и долго меня обнимала и целовала перед отъездом. А Тоня в это время потихоньку мне говорит: “Прощайся, прощайся с бабушкой – другая приедешь”. Эти слова болезненно прозвучали в моем сердце. Верочка ужасно волновалась, не зная, куда я еду с ребенком, хотя о цели нашей поездки я ей говорила. Тоня предлагала ей ехать с нами, но Верочка не решалась. Я взяла с собой сумку с пеленками. Тоня купила по дороге две рыбки и пять булочек, и мы поехали на Северный вокзал. Сколько я ни спрашивала у Тони, куда мы едем, она не отвечала. И лишь выйдя из вагона, я поняла, что мы в Загорске. Я там была с экскурсией в 29-м году. Тоня взяла Алика на руки, а я взяла сумки. Тут меня охватило сильное волнение. Я знала, что иду к Тониному старцу, и знала, зачем иду. Я волновалась все больше и больше. Сумки с пеленками и булочками стали непомерно тяжелыми. Тоня быстро шла с Аликом на руках. (Она потом мне призналась, что боялась, как бы я не передумала и не вернулась.)».

В Загорске Леночка впервые встретила с отцом Серафимом, который уже давно «держал души сестер в своей душе».

Вот как пишет об этой встрече Елена Семеновна:

«Алик был спокоен и как бы предчувствовал всю значительность того, что должно было совершиться, хотя ему было только семь с половиной месяцев. Я стала задыхаться и умоляла Тоню остановиться. Но она всё летела вперед. Наконец, я села на какую-то скамейку в полном изнеможении. Тоня села рядом со мной. “Ну расскажи мне хоть, как он выглядит внешне”, – сказала я. Ведь мне не приходилось даже беседовать со священниками. Тоня сказала, что у него седые волосы и голубые глаза. “Глаза эти как бы видят тебя насквозь”, – добавила она.

Тут мы встали и пошли, и вскоре дошли до его дома. Тоня позвонила, и нам открыла дверь женщина средних лет, очень приветливая, в монашеском одеянии. Она ввела нас в комнату, чистенькую, светлую, всю увешанную иконами. Там, по-видимому, нас ждали. Но самого батюшки не было, и он долго не появлялся. Я поняла, что он молится, прежде чем нас принять. Наконец он вышел к нам. Тоня с Аликом подошла к нему под благословение, и я вслед за ними. Я по незнанию положила левую руку на правую. Батюшка это сразу заметил и переставил руки. Затем предложил: “Садитесь”. Если бы он этого не сказал, я бы грохнулась на пол от волнения и напряжения. Некоторое время мы сидели молча.

Наконец батюшка спросил меня: “Знаете ли вы русскую литературу?” Я удивилась этому вопросу, но, вспомнив “Братьев Карамазовых” и старца Зосиму, поняла, почему он меня об этом спросил. Задал мне еще несколько житейских вопросов. Потом мы сели ужинать. Пища была постной, и батюшка подчеркнул, что это имеет непосредственное отношение к нашему крещению.

Затем Алика взяла на руки женщина, которая открыла дверь. Алик был тих и спокоен, как бы понимая всю серьезность происходящего. Батюшка увел меня в другую комнату и просил рассказать всю мою жизнь. Я ему всё рассказала, как умела. Потом нас уложили спать. Алик спал крепко, а я не спала всю ночь, и, как умела, молилась.

Утром, на рассвете, совершилось таинство крещения. Крещение было совершено через погружение. И каждый раз, когда батюшка погружал меня, я чувствовала, что умираю. После меня батюшка крестил Алика. Тоня была нашей воспитанницей. Накануне о. Серафим показал мне три креста. Один, большой, серебряный, с надписью “Да воскреснет Бог и расточатся врази Его”, предназначался для Верочки, второй, поменьше, золотой, для меня и третий, серебряный, с синей эмалью и распятием, со словами “Спаси и сохрани” – для Алика. Но моя душа вся потянулась к кресту с Распятием Спасителя. И вдруг батюшка по ошибке надевает этот крест на меня. Он увидел в этом волю Божию и так и оставил. Алику достался золотой крест. Я очень обрадовалась,

что мне достался тот крест, который я хотела. Вслед за этим батюшка начал меня исповедовать за всю жизнь. Вскоре началась литургия. Пели вполголоса, чтоб не было слышно на улице. Крестная пела очень хорошо, с душой, хотя голос у нее был небольшой и несильный. Когда настал момент приращения, она поднесла Алика, а я подошла вслед за ней. В сердце у меня звучали слова: “Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне и Я в нем”. После окончания службы все подошли поздравить нас. Весь день я оставалась в белой вышитой крещальной рубахе (до полу и с широкими длинными рукавами), а сверху батюшка велел надеть белое маркизетовое платье без рукавов.

После трапезы о. Серафим позвал меня в свою комнату и дал ряд указаний.

Во-первых, он дал мне тетрадку с утренними и вечерними молитвами и сказал, чтобы я выучила их наизусть. “Тогда они будут всегда при вас”, – добавил батюшка.

Во-вторых, когда кормлю Алика грудью, читать три раза “Отче наш”, три раза “Богородицу” и один раз “Верую”.

Интересно, что Владимир Григорьевич, когда вернулся с Кавказа, привез мне свой снимок на фоне пещеры Симона Кананита. 2-го числа, под день нашего крещения, он видел сон: идет множество народа, а впереди несут как бы большое полотно, на котором изображен Христос.

Когда мы уезжали от батюшки, он истово благословил нас со словами: “Благословение Божие на вас”. Ударение было

на слово “Божие”».

О дне крещения маленького Алика Меня сохранился и рассказ Прасковьи Ивановой, племянницы тех монахинь, в доме которых жил тогда отец Серафим:

«Была дивная осень. Сентябрь 1935 года. Золотая такая, как писал Пушкин: “Очей очарованье...” Я жила в Загорске со своими тетушками Прасковьей Ивановной и Ксенией Ивановной. (Прасковья была монахиня Никодима, а Ксения – монахиня Сусанна.) Это были родные сестры моего отца, Матвея Ивановича, который умер очень рано, когда мне было три месяца. Мама вышла замуж второй раз, а я осталась жить со своими родными тетками. Некоторое время, в раннем детстве, я жила с бабушкой. Меня несколько раз брали жить в мамину новую семью, но я убегала обратно и хотела жить только с тетей Пашей и тетей Ксенией. Мы жили на улице Пархоменко, 29, она и сейчас так называется. Вместе с нами тайно жил архимандрит Серафим (Битюков). И вот однажды мне сказали, что завтра надо натаскать воды, т. к. будут крестины. Батюшка Серафим будет крестить молодую мать и младенца в один день.

Приехали Леночка с Аликом и Тоня (подруга Верочки, Антонина Ивановна). Батюшка их очень ждал, волновался. Алика крестил первого. Двери в обе комнаты были открыты, все иконы смотрели на Алика, везде горели свечи и лампадки. Мы очень старались все украсить по-праздничному ко дню крестин. Когда о. Серафим погружал Алика в воду, то

появилось необыкновенное благоухание. Все замерли, потому что это не был запах ни цветов, ни сада, а какой-то другой, особенный (духами тогда никто из нас не пользовался). <...>

После крещения Алика завернули и дали мне на руки, чтоб я гуляла с ним в саду, пока крестят Леночку. Крестным отцом был сам батюшка Серафим, а крестной матерью, кажется, Тоня, Антонина Ивановна. <...>

После крестин был простой обед и чай, пришло несколько человек, вместе со всеми нами было двенадцать человек. Леночка с Аликом в этот же день уехали, и Тоня тоже уехала с ними. Меня поразило необыкновенное лицо Леночки после крещения. Оно было как ангельское».

Спустя год крещение приняла и Вера Яковлевна.

Вот как Елена Семеновна вспоминает об одном из знаковых эпизодов, предшествующих крещению Веры Яковлевны:

«Однажды мы с Аликом причастились у батюшки и приехали на 1-й Коптельский пер. в квартиру Верочки. Алику шел 11-й месяц. Верочка встретила нас с большой любовью, обняла и поцеловала нас. Вдруг Алик, сидя у меня на руках, пытается снять с меня крест. Я вижу, что он хочет что-то сделать, и помогла ему в этом. Неожиданно он надевает крест на Верочку. Верочка была потрясена. Она перекрестилась и с благоговением приложила к кресту...»

Пройдя свой путь духовного роста, сомнений и поисков,

Вера Яковлевна направила отцу Серафиму такую записку: «Вторая половина пути близится к концу. Длительная и тяжелая была борьба. Многое трудно и больно сейчас, но колебаний больше нет. Как хорошо быть побежденным, когда победитель – Христос!»

После крещения в комнате для богослужений, украшенной любимыми Верой белыми хризантемами, батюшка подвел ее к окну, из которого виднелись купола Троице-Сергиевой лавры, и сказал: «Вас принял преподобный Сергей».

В жизни семьи была открыта новая глава.

Глава 3

Раннее детство

Алик появился на свет в родильном доме Грауэрмана на улице Большая Молчановка¹⁶.

«С появлением моего первого сыночка у нас началась новая жизнь, – вспоминает Елена Семеновна. – В центре нашей семьи стал Алик. Я снова почти переселилась к Верочке, так как у нее была большая квартира. Верочкин отец – дядя Яша – охотно принял нас к себе и с любовью относился ко мне, Володе и маленькому Алику. <...>

Дома старалась выполнять все указания о. Серафима. Особенно трудно было учить утренние и вечерние молитвы. Память у меня была хорошая, и я быстро учила стихи и все заданное в школе. Но тут я встретила с неожиданным препятствием: кто-то явно мешал мне учить молитвы. И дело было не в славянском языке, который я, конечно, недостаточно освоила. Но я на любом языке быстро все выучивала, а тут мне мешало что-то странное, необъяснимое. В этот период я не имела никакого понятия о темных силах. Наконец, с огромным трудом всё выучила и стала читать наизусть.

В начале следующего года к нам поступила домработница Катя. Она была глубоко верующей, духовно настроенной

¹⁶ Ныне улица Новый Арбат.

девушкой. Она мне много дала в отношении ознакомления с православной верой. Наступил Великий пост. Батюшка сказал мне, чтобы я постилась 1-ю, 4-ю и Страстную недели. Алику не давать только мяса. Мужу я продолжала готовить мясное.

Мы с Катей часто ходили в церковь – иногда по очереди, иногда вместе, оставляя Алика на Верочку. Мне постепенно открывалась красота церковной службы. Постом служба бывает особенно хороша. Владыка Афанасий писал, что по силе воздействия на душу человека нет ничего равного постовской службе во всем мире.

Мне достали стихиры постной и цветной триоди, и я каждый день их читала. С Катей мы иногда вместе читали утренние и вечерние молитвы. Чаще всего это происходило у Верочки, так как у нее была отдельная комната и никто нам не мешал.

...Летом 1936 года мы жили в Тарасовке, на даче. Вдруг приезжает Тоня и говорит, что сейчас, временно, батюшка живет у них в Болшеве и хочет нас видеть. Мы взяли маленькую тележку, посадили туда Алика и пошли пешком. Я была очень рада повидаться с батюшкой, особенно в Тонечкином доме. Алик был во дворе. Батюшка подвел меня к окну и, указав на Алика, которому тогда было полтора года, сказал: “Он большим человеком будет”. Позже он сказал мне: “В нем осуществляются все наши чаяния”».

Сохранилась тетрадь, в которой Вера Яковлевна вела

дневник наблюдений за развитием Алика с года до двух лет. Будучи специалистом по педагогике, детской психологии и дефектологии, она особенно внимательно фиксировала малейшие движения души маленького племянника. На основании ее записей можно сделать вывод о том, что определенные черты будущего священника начинают выявляться в очень раннем возрасте – в частности, его ярко выраженный интерес к природе и животному миру, интенсивность и осознанность эмоциональных переживаний, стремительность развития образной речи.

Примечательна история, рассказанная Еленой Семеновной детям о том, как в начале 1935 года ее свекор, Гершлейб, приехал из Киева навестить новорожденного внука. Он был ортодоксальным иудеем, строго соблюдавшим всю обрядовую сторону религии, и перед его приездом Елена Семеновна купила новую посуду для соблюдения им кашрута¹⁷. Владимир Григорьевич пожаловался отцу, что «Леночка увлекается христианством, а ведь это не наше». «Христианством? – ответил благочестивый иудей. – Надо бы почитать Евангелие. Я никогда не читал...» После прочтения Евангелия он сказал: «Не волнуйся, сын. Иисус был настоящим евреем, он соблюдал весь закон. Он наш». Таким об-

¹⁷ Кашрут – в иудаизме свод правил, касающихся питания. Пища, приготовленная в соответствии с этими правилами, называется кошерной. В переводе с иврита слово «кошерный» означает «пригодный» с точки зрения галахи – совокупности законов, содержащихся в Торе, Талмуде и более поздней раввинистической литературе.

разом, терпимость Владимира Григорьевича к религиозной жизни жены и детей возникла не без влияния его отца.

До двухлетнего возраста Алик с родителями жил вместе с Верой Яковлевной, ее отцом и братом в их четырехкомнатной квартире в Коптельском переулке в Москве. Дом располагался за полукруглыми зданиями больницы Склифосовского. Окна выходили в глубокий колодец двора, и Алик навсегда запомнил серую бездну, разверзавшуюся под окнами.

Позднее он вспоминал: «Есть такие дворы – серые колодцы (в Москве их, правда, мало). Окна дома, где мы тогда жили, выходили в такой колодец. Я в него смотрел, и было совершенно жуткое чувство: как будто я смотрю в ничто, в бездну. И из нее поднимались гигантские черные птицы (голуби, которые прилетали клевать зернышки на окне). Это был такой ужас, но не страх – я не боялся этого, нет. Ужас. Понимаете, вот серая бездонная пропасть – и из нее поднимается огромная черная птица... Это было не только ощущение! Это было почти на грани *misterium tremendum* – то есть тайны, которая потрясает. Врезалось навсегда: огромные птицы, летящие из бездны, не с неба – неба-то не было, – а из колодца... С тех пор у меня всегда было особое отношение к птицам, которые парят; хищная птица – летящая, парящая – всегда совершенно особенным образом на меня действовала».

Примерно к этому времени относится сближение Елены Семеновны и Веры Яковлевны с Марией Витальевной Теп-

ниной, через несколько лет ставшей духовной наставницей маленького Александра Меня.

Вот как вспоминает об этом Мария Витальевна: «И о Вере Яковлевне, и о Елене Семеновне я знала из уст Тони Зайцевой – задолго до нашего знакомства. А с Тоней у меня было знакомство по церкви. Я была прихожанкой солянского подворья, где был отец Серафим. Он еще там служил, был настоятелем; а она там была, кажется, помощницей старосты. Мы с ней познакомились там, встречались часто, и вот она мне рассказывала о них всю их историю, всё это я знала от нее. А им она рассказывала обо мне – было заочное знакомство. Потом наступило такое время, когда солянское подворье было закрыто, отца Серафима уже не было, а все его духовные чада ходили по его благословению в греческую церковь на Никольской. И вот однажды, это было под Рождество, во время вечерней службы у меня сделалось такое полуобморочное состояние, потому что я перед тем угорела. Вдруг я чувствую, что кто-то ко мне подходит, старается меня привести в чувство, потом даже выходит со мной из храма. Это была Елена Семеновна. Так состоялось наше знакомство. Отцу Александру в это время было полтора или два года. Ну, и с этого знакомства началась близость наша. Так что фактически мы в течение 40 лет жили одной жизнью».

Племянница Марии Витальевны Анна Корнилова так описывает атмосферу в семье Меней в тот период: «С первых дней жизни Алик оказался среди людей, для которых хри-

стианство было в первую очередь призыванием, а уже потом – мировоззрением. Ничто не делалось само по себе, а всё – по благословию. Летом 1937 года отец Серафим благословил Елену Семеновну пожить на даче в Лосинке (станция Лосиноостровская Ярославской железной дороги). Это казалось удобным еще и потому, что на той же даче, на втором этаже скрывался отец Иеракс, который служил в церкви на Солянке после отца Серафима, с 1929 по 1932 год, и также вынужден был перейти на нелегальное положение. Первый этаж дачи занимали люди, которые не должны были знать о существовании отца Иеракса. И когда по утрам хозяева верхнего этажа уезжали на работу, священник вынужден был вести себя так, чтобы о его присутствии нельзя было догадаться. Передвигался он совершенно бесшумно, а из дому выходил лишь под покровом ночи. Полная риска жизнь требовала большого напряжения, и в любую минуту конспирация могла быть раскрыта, поэтому появление “дачников” с ребенком во многом облегчало положение, отвлекая внимание от отца Иеракса. Да и у Елены Семеновны с Аликом появилась возможность ежедневно посещать богослужение. Для этого была отведена небольшая комната с балкончиком».

Из рассказов, записанных духовной дочерью отца Александра Меня Ольгой Ерохиной: «Летом жили в Лосинке у Веры Корнеевой как дачники. Вера тоже принадлежала к кругу духовных детей отца Серафима. У нее на чердаке 8 лет скрывался священник Иеракс Бочаров. Комната, где он жил,

на время богослужения становилась храмом. Говорят, там особенно чувствовалось небо. У о. Иеракса был антиминос из закрытого храма Отрады и Утешения при Боткинской больнице, где он прежде служил. И вот в эту чердачную церковь Отрады и Утешения приходили, приезжали – и соседи не должны были ни о чем догадываться, и дети понимали, что это тайна. Маруся¹⁸ рассказывала мне, как однажды в конце литургии о. Иеракс давал крест таким образом: у него на руках был трехлетний Алик, который держал крест, и люди прикладывались к этому кресту, который держал Алик, сидящий на руках о. Иеракса».

«Оставаясь целыми днями один, отец Иеракс много заботился о благолепии своего маленького храма, который был всегда таким чистым, светлым, украшенным цветами, так что, поднимаясь неслышно наверх по узкой деревянной лестнице и входя туда, сразу можно было почувствовать себя в другом мире, где царила какая-то тихая радость, как в праздник Благовещения: нежное цветение фруктовых деревьев за окном сливалось воедино с внутренним убранством комнаты. Враждебные стихии мира, казалось, не могли найти сюда дороги, – писала Вера Яковлевна. – Полгода жила Леночка в Лосинке. Я часто приезжала туда после работы и на ночь уезжала домой. Алик подрастал. Я всё больше привязывалась к нему, и эта привязанность отдавалась в сердце непонятной тоской. Однажды я приехала к батюшке и рас-

¹⁸ Мария Витальевна Тепнина.

сказала ему всё. “Может быть, мне лучше уехать от них теперь? – спросила я. – А потом я буду уже не в силах сделать это”. – “Хорошо, что вы поставили этот вопрос, это вы сделали правильно, – сказал батюшка, – только этого не нужно, совсем не нужно. Вот Леночка жила у вас столько лет, а что вы делали? – Вы душу ее берегли. Вы поняли меня? Живите вместе. Мы не будем пока говорить ни о монастыре, ни об одиночестве”».

Анна Корнилова так продолжает свой рассказ: «Алику не было еще и двух лет, а он уже окунулся в атмосферу “катакомбной” церкви. Когда ему шел четвертый год, он вновь оказался с отцом Иераксом, теперь уже в Малоярославце, куда указал поехать на лето отец Серафим. Если в Лосинке они прожили полгода, то здесь два-три месяца. В Малоярославце никто не знал отца Иеракса. Он мог свободно выходить из дому и прогуливаться по окрестностям. Заботы окружающих, общение с людьми были для опального священника светлым периодом, небольшой передышкой на подвижническом пути. Стояло лето, и совершать богослужение можно было в лесу. Нашли уединенную поляну. Отец Иеракс брал с собой богослужебные книги и... лес становился храмом. Казалось, все обитатели леса воздают хвалу Божьей Матери. Однажды белка спустилась с дерева и, не шевелясь, стояла рядом с нами».

Вот как вспоминает об Алике в Малоярославце Нина Владимировна Трапани, прихожанка «катакомбной» церкви тех

лет:

«Окружающая природа очаровала нас. Местность была холмистая, перелески, открытые поляны, наши среднерусские, милые сердцу картины. Погода стояла хорошая, и мы целые дни проводили под открытым небом. Столовались все вместе. <...> О. Иеракс, облюбовав одну светлую безлюдную полянку, совершал там доступные в этих условиях богослужения.

Мы брали с собой термос, кое-какую закуску и устраивали завтрак. Алик забирался ко мне на колени и свертывался клубочком, как котенок.

<...> Подошел праздник Успения Божией Матери. Мы все собрались на излюбленной полянке. Прочитали дивный канон “Да провождают невещественнии чинове небошественное в Сион Божественное тело Твое...”.

О. Иеракс начал читать акафист. Молоденькие березки стояли вокруг, как свечи, легкий ветерок колыхал травинки. Вдруг на одном из деревьев зашелестела крона, и из кудрявой листвы высунулась любопытная мордочка рыженькой белочки, которая некоторое время рассматривала нас; потом она быстро спустилась на землю и застыла под деревом, как бы прислушиваясь к словам песнопения. Она довольно долго пребывала в таком положении, и мы затихли, боясь спугнуть доверчивого зверька. Потом снова взбежала на дерево и долго еще качалась на ветвях.

Говорили, что после нашего отъезда, когда приехал отец

Верочки, дядя Яша, как называли его, Алик безошибочно привел его на нашу полянку и сказал: “Вот здесь мы все сидели, и нам было очень хорошо. Как жаль, что тебя не было с нами...” Алик очень любил дядю Яшу. Когда были назначены выборы в Верховный Совет и по их округу кандидатом выдвинули профессора Бурденко, он сказал матери: “Ну и голосуй за Бурденку, а я буду голосовать за дядю Яшу”. Но он знал, что есть вещи, о которых и с дядей Яшей говорить нельзя».

«Он лучше меня понимал слово “конспирация”, – поясняет этот эпизод Вера Яковлевна, – и как ребенок не боялся ее».

Нечего и говорить о том, какой любовью был окружен мальчик, как заботились о его душе, направляя и оберегая ее.

Алику было два года с небольшим, когда семья переехала в коммунальную квартиру в доме на Большой Серпуховской улице, 38. Отец Веры Яковлевны женился вторично, и возникла необходимость разъехаться. Владимиру Григорьевичу удалось получить для семьи другое жилье.

«Наш дореволюционный дом был красного кирпича, – вспоминает Павел Мень. – Мы жили на втором этаже в четырехкомнатной квартире, занимали комнату 20 кв. м. Папа как будто гордился, что у нас такая большая комната. Еще было три семьи – точнее: муж с женой и трое детей, муж с женой и одинокий пожилой мужчина из бывшего купеческо-

го сословия – Иван Иванович Кудин, вдовец. До революции была известна его мануфактура – “Кудинские платки”. (Его сын получил 10 лет за то, что предложил тост “За Россию” плюс происхождение. Помню, наверное, уже на поселении, он приезжал с Колымы. Все зубы у него были стальные.) Однажды – я был еще маленький – ему похвастал: “Я родился 1 декабря, в день смерти Кирова. А брат мой родился 22 января, на следующий день после смерти Ленина, как будто ему на смену...” Старик, по-волжски налегая на “о”, ответил: “Довольно одного” и оглянулся, не услышал ли кто.

Вторая семья – муж, жена и трое детей. Муж крепко зашибал. Спился на наших глазах. И дети тоже стали попивать. А еще была пара: Агафья Ивановна и Василий Иваныч. Милые люди. Василий Иваныч, по профессии слесарь, тоже употреблял. Но строго по норме: четвертинку в день.

Отопление в доме было, естественно, печное. Я помню, как мама боролась с печкой. Это была именно борьба. Когда что-то закипало, нужно было хватать кастрюлю и переставлять на плите в другое место, не такое горячее. Кухня была большая, тоже метров 20. Выход из нашей комнаты был прямо на кухню, где был единственный кран с водой, здесь же умывались. И на 12 человек один туалет с ржавой трубой, так что утром всегда в общественных местах былолюдно и весело. Но я помню, что в соседнем Арсентьевском переулке наши школьные товарищи жили в деревянных домах, и воду носили из колонки с улицы».

«В 38-м году у меня должен был появиться второй ребенок, – пишет Елена Семеновна. – После гриппа у меня было осложнение: инфильтративный туберкулезный процесс в правом легком. Врач настаивал на прерывании беременности, но я отказалась. Как врач ни убеждал меня, пугал, что я заражу старшего сына и мужа, даже заподозрил меня в толстовстве, настаивал на применении вдувания, что несовместимо с беременностью, я ни за что не соглашалась. Тогда муж созвал консилиум, и врачи решили, что меня надо отправить в деревню, усиленно кормить и каждый месяц делать рентгеновские снимки. Мы с Верочкой и Аликом уехали в Малоярославец. Верочка усиленно кормила меня, а сама похудела ужасно. Через месяц рентген показал, что инфильтрат уменьшился, а еще через месяц все зарубцевалось. Я выздоровела окончательно и 1 декабря родила совершенно здорового ребенка. Профессор и врачи изучали мои снимки и удивлялись. Они смотрели на это как на чудо. Когда я приехала осенью к о. Серафиму, он одобрил мое поведение».

«Алик рос чутким ребенком, – вспоминала Вера Яковлевна, – и мы с Леночкой часто делились с ним своими переживаниями, забывая о его возрасте. Так Леночка еще в Малоярославце рассказала ему о своей беременности. Он по-своему пережил это известие и находился в состоянии напряженного ожидания. Ребенок, который еще не родился, представлялся ему каким-то таинственным незнакомцем, упоминание о котором внушало ему страх. Когда для будущего ре-

бенка купили одеяло и другие вещи, Алик боялся зайти в комнату или обходил эти вещи на большом расстоянии. Когда я рассказала обо всем этом бабушке, он был очень недоволен: “Не следовало заранее говорить ему ничего. Ожидание в течение полугода трудно и для взрослого, а не только для такого маленького ребенка. Разве можно держать его в таком напряжении! Только после того, как ребенок родился, надо было сказать Алику: ‘Бог послал тебе брата’, и у него было бы легко на душе”».

Когда Елену Семеновну перед вторыми родами увезли в роддом, Алик оставался с бабушкой Цецилией, но контакта между ними не было. Слишком различны были уклады семей и духовные устремления мамы и бабушки Алика. Однажды Алик заявил бабушке Цецилии: «Спасибо, бабушка, что ты мне маму родила, а больше сказать мне нечего». По воспоминаниям Елены Семеновны, эти слова внука произвели сильное впечатление на Цецилию.

Брат Алика появился на свет 1 декабря 1938 года. Когда Павлика привезли домой из роддома, Алик долго разглядывал его и спросил: «А мысли у него есть?» Павлика также хотели крестить у отца Серафима, но сложилось так, что поехать к отцу Серафиму в тот период возможности не было, и, не желая откладывать такое важное дело, Елена Семеновна решила крестить Павлика у отца Иеракса, который жил в это время в Большеве. Крестной матерью была Вера Яковлевна, а крестным отцом (заочно) – отец Серафим. Он постоянно

следил за духовным развитием обоих мальчиков. Вера Яковлевна вспоминала, как он говорил о детях, об отношении к ним: «Они всё глубже будут вам на душу ложиться. А у них на душе должен остаться ваш внутренний облик. Как картина, которую видим однажды в художественной галерее». («Я поняла, – пишет Вера Яковлевна, – что он говорил о том, что будет после моей смерти».)

«...Батюшка большое внимание уделял вопросам воспитания и часто давал мне различные советы, – продолжает Вера Яковлевна. – Я всегда сама гуляла с Аликом, уделяя этому почти всё свое свободное время. Батюшка придавал этим прогулкам большое значение. “Не надо много говорить с ним. Если он будет задавать вопросы, надо ответить, но если он тихо играет, читайте Иисусову молитву, а если это будет трудно, то ‘Господи, помилуй’. Тогда душа его будет укрепляться”. В качестве примера воспитательницы батюшка приводил няню Пушкина Арину Родионовну. Занятая своим вязанием, она не оставляла молитвы, и он чувствовал это даже тогда, когда был уже взрослым и жил с ней в разлуке, что отразилось в его стихотворении “К няне”».

Однажды Алика решили сводить в действующий храм, но он почувствовал себя там нехорошо. «Поедем лучше к бабушке или в Лосинку», – просил мальчик. Узнав об этом, отец Серафим сказал: «Если он чувствует это и разбирается, то и не надо водить его теперь в церковь».

Батюшка не разрешал водить Алика в театр или кино в до-

школьном возрасте. «Если вы хотите доставить ему удовольствие, лучше купите ему игрушку», – говорил он. Живя в подполье, отец Серафим был хорошо осведомлен о мирской жизни: в театрах и кино в это время шли насквозь идеологизированные спектакли и фильмы. Когда уже в школьном возрасте Алика впервые повели в кино на просмотр фильма «Доктор Айболит», то его восторгу и радости не было предела. Любовь к кинематографу осталась у него на всю жизнь.

Елена Семеновна вспоминала:

«Воспитывать детей в такой сложной обстановке, в трудное время было нелегко. Да я и не умела быть воспитательницей. Тогда я обратилась к Божией Матери с просьбой, чтобы Она воспитала моих детей. И Она услышала мою молитву. <...>

Когда Алику исполнилось 4 года, я отдала его в дошкольную французскую группу. Дети легко воспринимают иностранный язык в раннем детстве, а я особенно любила французский язык, поэтому я отдала его именно во французскую группу. Маленький коллектив менее утомителен для нервной системы, чем большой. Алик пробыл в этой группе два года. Руководила этой группой приятная, интеллигентная женщина, детей было всего шесть человек. Алик выяснил, что трое детей было верующих, а трое – неверующих. Однажды Алик обратился к неверующей девочке: “Кто же, по-твоему, создал мир?” – “Природа”, – ответила девочка. “А что такое природа? Елки, курицы? Что же, они сами себя со-

здали?» Девочка стала в тупик. «Нет, Бог сотворил всё, и Он управляет всем миром».

Руководительница очень любила Алика. «Никогда я не встречала такого талантливого ребенка, – сказала она однажды, – он всегда будет душой общества». Ее предсказания сбылись. Я понимала, что это дар Божий, и не позволяла себе гордиться им».

Руководительницей дошкольной группы, в которую попал Алик, была немка по имени Надежда Карловна. Группа была организована в ее квартире на улице Маркса и Энгельса¹⁹. Детей приводили утром и забирали вечером. Надежда Карловна учила их французскому языку и старалась всячески развивать своих воспитанников. Алик сразу же запомнил названия животных по-французски и очень полюбил ежедневные прогулки по Гоголевскому бульвару с его скамейками и староарбатскими особняками. Иногда во время прогулки они заходили в небольшую церковь, превращенную к тому времени в музей, в котором были выставлены изображения уже взорванного храма Христа Спасителя и макеты задуманного на его месте Дворца Советов.

Четырехлетний Алик мог подолгу рассматривать свою любимую книгу – «Жизнь животных» Брэма со множеством прекрасных гравюр. Его захватывал загадочный животный мир, история жизни отдельных зверей и птиц, удивительные проявления разума и привязанности животных к людям,

¹⁹ Ныне Большой и Малый Знаменские переулки.

готовность приходить на помощь в минуту опасности и даже рисковать собственной жизнью во имя спасения человека. Любимой настольной игрой маленького Алика на долгие годы стало подаренное ему зоологическое лото с рисунками замечательного художника-анималиста Василия Ватагина. С этой игрой он не расставался даже тогда, когда через несколько лет большая часть карточек была утеряна.

Примерно в те же годы Алик начал осознанно рисовать. Сохранился рисунок, на котором в три или четыре года он изобразил евхаристическую чашу.

Тогда же Алик научился хорошо ориентироваться на центральных улицах Москвы, запомнив близкие его сердцу изображения животных – у дома номер 15 на улице Кирова (ныне Мясницкой), где лев держит в лапах геральдический щит, у Музея революции (сегодня Музей современной истории России) на Тверской улице – с двумя львами, стерегущими вход в здание, у особняка Рекк на улице Пятницкой, 64 – с одним спящим и одним бодрствующим львами и у памятника Гоголю в начале Гоголевского бульвара со стилизованными львиными масками у подножия фонарей... Но настоящим праздником для Алика были походы в зоопарк, вход в который в то время украшали великолепные, как будто живые, скульптуры животных работы анималистов Ватагина и Горлова. Любовь к животным сопровождала Александра всю жизнь.

Близкой подругой Веры Яковлевны (а через нее и Елены

Семеновны) со студенческих лет была Роза Марковна Гевенман, закончившая Московский университет по отделению истории искусств. Ее старший сын, Роальд Пратусевич, будучи на несколько лет старше Александра Меня, так вспоминает о их встречах в детстве: «Алик быстро, не по дням, а по часам, развивался. Он был чрезвычайно любознательным, смышленным и увлекающимся. Особый интерес и любовь у него вызывали животные. Мы часто ходили в зоопарк, уголок Дурова, Зоологический музей. Он уже в 4–5 лет по возвращении из этих мест рисовал зверей и птиц, собирал рисунки в маленькие книжечки. Вера Яковлевна воспитала в нем любовь ко всякому творчеству, а я, когда бывал у них, помогал ей. <...> После войны он год или два занимался рисунком у Ватагина и Трофимова. Помимо “Жизни животных”, он уже перед войной любил читать “Евангелие для детей” и взрослое Евангелие и рисовал не только животных, но и сцены из Священной истории».

«Расхождения во взглядах Леночки и ее мужа Володи никогда не препятствовали их любви и привязанности друг к другу, – дополняет этот рассказ Роза Марковна Гевенман. – Этот миролюбивый дух передался их детям – Алику и Павлику. Никогда я не слышала об их ссорах. Чудная фотография маленьких мальчиков – Алик, обнимающий Павлика, – всегда встречала меня при входе в небольшую уютную комнату на Серпуховке, где долго жила Леночкина семья».

«У отца была необыкновенная широта и терпимость, ко-

торуую унаследовал Александр, – вспоминает о Владимире Григорьевиче Павел Мень. – Для мамы важно было помолиться перед едой и после. Если папа присутствовал, то надо было делать это или молча, или выйдя из комнаты, обменявшись взглядами».

Уже с детства все отмечали особую просветленность Алика и его удивительную способность дружить и улаживать любые конфликты. Мария Витальевна Тепнина рассказывала, как в день рождения маленького Алика разные гости подарили ему двух одинаковых слоников. Алик не только не огорчился, увидев второй экземпляр только что полученного подарка, но, наоборот, захлопал в ладоши и немедленно объявил, что эти два слоника будут дружить, и придумал целую историю их будущих приключений.

Игрушечные машины, технику и конструкторы Алик не любил, зато много рисовал и лепил. Не проявлял особенных склонностей к устному счету и математике, но уже с детства много читал и делал зарисовки, записывал свои наблюдения. А главное – с раннего возраста проявлял недетскую разумность и чуткость к окружающим.

Анна Корнилова вспоминает такие эпизоды из жизни маленького Алика:

«Детей водили в лес и на речку. Как-то стояли они на берегу и смотрели, как коровы по колону в воде переходят на другую сторону. “А кто же будет потом вытирать им ножки?” – спросил Алик. Он заботился обо всех.

В другой раз, когда он сам вел себя не как подобает, ему сказали, что “надо же себя уважать!”. Он задумался, а потом ответил: “А я думал, что надо уважать других”...»

Вот как рассказывает о своем раннем детстве сам отец Александр:

«Отец был постоянно занят своими делами; он был человеком очень честным, очень работоспособным и весь, целиком, отдавался работе. Поэтому больше я общался с матерью, человеком глубокой веры, большого оптимизма и жизненной силы, и ее сестрой. Тетя была специалистом по дефектологии, по умственно отсталым детям, занималась с олигофренами и т. п. Они были христианки, глубоко убежденные, и в самые трудные годы я был воспитан в традициях Православной церкви. И потом уже я это воспринял сам, как каждый человек должен воспринять встречу с Богом – личную; это уже не только традиция, а внутреннее.

<...>

В возрасте детском, дошкольном (может быть, в пять лет), особенно меня тяготила бессознательность поступков. Я сам ощущал, что многие поступки делаю несознательно, совершенно механически: я иду куда-то – меня ведут, я что-то делаю... Меня это ужасно удручало и обременяло, я хотел из этого состояния выйти, я хотел ясно отдавать себе отчет: что, зачем и почему. На самом деле это борьба между сознанием и подсознанием. Мне это не нравилось, но выходить на сознание тоже было несколько болезненно. Я остро помню мо-

мент, когда я осознал это свое, как говорят экзистенциалисты, бытие в мире: я потерялся в Серпуховском универмаге, вышел оттуда и вынужден был идти пешком домой один... И ощущение собственного одиночества для меня символизировалось в моей тени, которая шла передо мной. Я был в валенках, маленький, и тень была очень несчастной. Мне казалось, что это путешествие очень длинное...»

Очевидно, что неуправляемая стихия детства тяготила маленького Алика. В нем созрел сильный ум, который восставал против подсознательных элементов детской психики и вызывал к жизни стремление к ясности, пониманию, владению собой и окружающей ситуацией.

В начале 1941 года был арестован Владимир Григорьевич. Вот как вспоминает об этом Елена Семеновна:

«...Как технорук фабрики он имел право подписи наравне с директором и якобы подписал бумагу, по которой кто-то мог класть деньги в свой карман. В середине января у нас был обыск. Это произвело на меня тяжелейшее впечатление. Я воззвала к Господу и вдруг слышу какой-то внутренний голос: “Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после”. Это меня успокоило, тем более что то, что было у меня под матрасом, – огромная богослужebная книга, – они не увидели, даже не полезли туда, а шкафчик с иконами открыли и тут же закрыли, так что сосед – понятой – ничего не видел. Володю взяли и в тот же день выпустили, но через 2 недели посадили надолго. Я боялась ездить к батюшке, что-

бы не подвести его. Вместо меня ездила Верочка.

Батюшка велел мне написать молитву “Взбранной Воеводе” и отдать Володе. Я так и сделала. К моей радости, Володя молитву взял, прочел и оставил у себя. Через несколько месяцев я увидела во сне, что мне дают свидание с Володей. В комнате много людей, а мне надо с ним остаться наедине. Наконец мы остались вдвоем. Я спросила его: “А молитву у тебя забрали?” – “Нет, – сказал Володя, – она осталась при мне”. На этом я проснулась. О. Серафим сказал, что этот сон послан мне в утешение. Он благословил меня особо молиться за Володю, и дети тоже должны были кратко молиться за него. На детей он наложил строгий пост в период Великого поста.

Когда я была у следователя, увидела полкомнаты, заваленной делами той фабрики, где Володя работал.

Жизнь у нас резко изменилась. Я устроилась надомницей и вышивала портьеры. Детей устроила в детский городок, а сама вышивала с утра до вечера. Я никогда не была рукодельницей, но так как я, как и в юности, брала благословение на каждую работу, всё у меня получалось удачно, не было никакого брака».

«В 1941 году муж Леночки был арестован по обвинению в каких-то служебных злоупотреблениях, – вспоминает Вера Яковлевна. – Обвинения эти впоследствии не подтвердились. Батюшка видел внутренний смысл всего происходящего и принимал самое горячее участие. Когда ему рассказали

о том, что составлено 16 книг обвинения, батюшка сказал: «Матерь Божия их все закроет». Так и случилось год спустя».

По воспоминаниям близких, до пяти лет Алик причащался совершенно спокойно, но к этому возрасту он почему-то начал сильно волноваться перед причащением Святых Христовых Тайн. Тогда отец Серафим решил, что настало время систематически знакомить его с содержанием Священного Писания, так как он уже в состоянии отнестись ко всему сознательно.

«Так как ни я, ни Леночка не решались взять этого на себя, батюшка поручил это дело Марусе²⁰ – одному из самых близких нам людей, которая прекрасно справилась со своей задачей», – вспоминает Вера Яковлевна.

«Надо было знать Марусю, чтобы представить себе, как проходили эти занятия, – пишет Анна Корнилова. – Маруся была небольшого роста, худенькая, очень стройная, с правильными чертами лица, большими голубыми глазами и строгой прической. К делу она относилась истово. Занятия, прежде всего, отличались систематичностью. Так же как молиться надо было непременно утром и вечером, до еды и после еды, – кроме всех других случаев, – так и этим занятиям отводилось строго определенное время. Сейчас можно себе представить, как нелегко все это давалось, ведь работала она за городом, в Рублеве, зубным врачом в поликлинике при больнице Рублевской водопроводной станции. Ав-

²⁰ Марии Витальевне Тепниной.

тобус, – маленький, “коробочка”, всегда до отказа набитый рабочим людом, медленно поспешая, достигал Москвы где-то через час с лишним и останавливался на площади у Киевского вокзала, откуда надо было столько же добираться до Серпуховки (ведь метро тогда еще не провели)».

Вот как вспоминает об этом сама Мария Витальевна:

«...Елена Семеновна смотрела на него (Александра) как на свое чадо, которое она посвящает Богу. Это было заложено в начале его существования.

Отец Серафим непосредственно следил за ростом этого младенца, посвящаемого Богу. Он даже говорил Елене Семеновне, что он будет большим человеком. Елена Семеновна соответственно своим убеждениям создавала дома атмосферу проникновенной христианской жизни, которая продолжалась каждый момент. И это безусловно была та атмосфера, в которой воспитывался отец Александр. Вера Яковлевна, хотя она тем же дышала, была воспитательницей его в другой области – она развивала его умственные способности. Следила за его умственным развитием, преподавала ему языки, знакомила с литературой, с искусством. Духовной воспитательницей отца Александра считается его мать. Я постоянно там бывала, и многие разговоры велись в присутствии детей, и общая молитва, и препровождение праздников. Такая была живая атмосфера. Алик рос на моих глазах. Он был удивительным ребенком, очень талантливым. В нем рано обнаружилась способность к обобщению. И я бы-

ла непосредственной свидетельницей – когда ему было около 4-х лет, то в моем присутствии, едва научившись писать печатными буквами, – первое, что он написал – “Не будь побежден злом, но побеждай зло добром”. В таком возрасте и такая формулировка! Конечно, он не раз слышал, когда читали послания апостолов и Евангелие.

С Евангелием он познакомился через чтение, такая была очень полезная книга, “Евангельская история”. Эта книга была у меня, я с ним ее читала. Потом он очень скоро черпал уже из непосредственных источников – Библии, Евангелия».

Из воспоминаний Анны Корниловой: «Занимались вначале по книге Б. И. Гладкова “Евангельская история”. Текст был составлен из высказываний евангелистов и богато иллюстрирован воспроизведениями картин русских и западноевропейских художников. Перекладывая содержание отдельных сюжетов на язык, доступный детям, Маруся делала акцент на духовном – так запомнилось “Введение во храм Пресвятой Богородицы”: восхождение трехлетней девочки по высоким ступеням храма. Рассказ сопровождался рассматриванием иллюстрации с одноименной картины Тициана. В других случаях акцент переносился в нравственную сферу: особенно поучительной представлялась “Лепта вдовицы”. На картинке были изображены богатые жертвователи, которые опускали в церковную сокровищницу крупные суммы денег, и бедная молодая вдова с ребенком на руках, та, что положила последние две лепты. Но ее жертва на весах

вечности превысила все остальные, “ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила всё, что имела, всё пропитание свое”. Именно в этом евангельском ключе и объяснялось нам, как надо творить добро: если ты отдал просто лишнее или не крайне нужное тебе, – это не считалось добродетелью, а вот отдав самое необходимое, поделившись последним, – ты сделал доброе дело. И это объяснение – прочно, на всю жизнь – входило в сознание».

Глава 4

Об отце Серафиме (Битюкове)

Трудно переоценить значение духовного руководства отца Серафима для маленького Алика Меня и самых близких ему людей. Ни Елена Семеновна, ни Вера Яковлевна после крещения не принимали без его совета и благословения ни одного важного решения. Его горячее участие в их жизни началось задолго до их встречи и продолжалось в очной или заочной форме до конца его жизни. Его любовь и благословение чувствовали они и после его смерти... «Удивительное понимание чужой души было у батюшки не только чуткостью душевной, но и духовным дарованием», – сказала об отце Серафиме Вера Яковлевна, выразив ту важнейшую черту своего духовника, которую в полной мере воспринял и унаследовал и Александр Мень.

«Батюшка отец Серафим служил всегда медленно, торжественно, очень спокойно. Черная мантия, епитрахиль, белоснежная волна волос. Он стоял перед аналоем, иногда в свете одной только лампы, перед образом Божией Матери (Владимирской) как олицетворение жизненности той Церкви, которую пытались переделать или уничтожить. Каждый новый день был под вопросом, каждый стук в дверь или в окно отзывался в сердце началом мученического пути», – вспоминает о нем Мария Желновакова, дочь неоднократно по-

бывавшего в заключении духовного писателя Сергея Иосифовича Фуделя.

Вот рассказ Веры Яковлевны:

«Приехав к бабушке, я чувствовала, что весь мир остается где-то в стороне. Во время богослужения, кроме меня, присутствовало часто всего два-три человека. Бабушка стоял совсем близко, и всё богослужение от начала до конца проходило передо мной. Бабушка служил в этой своеобразной обстановке так же, как он служил прежде в большом, переполненном народом храме. И это поразительное несоответствие между совершаемым богослужением и внешней обстановкой, в которой оно совершалось, с чрезвычайной остротой подчеркивало глубокое, объективное, космическое значение литургии, которая должна была совершаться независимо от того, сколько человек на ней присутствует, так же как прибой морских волн не может приостановиться из-за того, что нет свидетелей. <...>

Совершая богослужение в своих “катакомбах”, бабушка выполнял какую-то большую историческую миссию: он охранял чистоту Православия. Это убеждение придавало особый колорит всей его деятельности: он не был изгнан – он ушел сам, он не выжидал, а творил, он трудился не для этой только узкой группы людей, которые могли видаться с ним в этих условиях, но для Церкви, для будущего. Но он ни на минуту не забывал и живых людей. Стоя возле бабушки во время богослужения, я знала, что он чувствует мое состо-

ание в каждый момент и старается помочь мне. Мне было спокойней от того, что он понимает всё и не дает мне ошибиться.

Слова псалмов и молитв оживляли маленький домик, так что казалось, что самый воздух, предметы и стены участвуют в богослужении. Звуки поднимались ввысь, окружали образ Божией Матери и наполняли собой всё. <...>

Приходилось удивляться широте его сердца. Он, кажется, готов был принять всех. Отношение батюшки к каждой человеческой душе можно было бы определить одним словом – “бережность”. Когда придешь, бывало, к батюшке с неразрешенными вопросами или с большой тревогой в сердце, батюшка прежде всего перекрестит это самое волнующееся сердце и тревога исчезнет, а затем начнет объяснять непонятное с ласковым обращением: “Чадо мое родное!” И так станет на душе от этих слов, что, кажется, готов встретить все испытания.

Вместе с тем батюшка никогда не старался смягчить трудности внешние и внутренние. “Когда Алик был маленький, мы кормили его манной кашей, а когда стал подрастать, стали давать ему и твердую пищу, – говорил мне батюшка. – Так же и вы. Сейчас вам многое трудно, а дальше еще труднее будет”. Это было просто и понятно.

<...> Помимо своих духовных занятий, старческого руководства, пастырских и богословских литературных трудов, батюшка в своем уединении принимал активное участие в

жизни Церкви, встречался со многими из своих единомышленников среди церковных деятелей и вел постоянную переписку. Вместе с тем не было, казалось, ни одного вопроса, которым бы он не интересовался. Он следил за текущими событиями и переживал всё со всеми. Благодатная сила его благословения была так велика, что покоряла себе душу каждого человека, с которым он встречался. <...>

В праздничные дни, когда за столом у батюшки собиралось довольно много гостей, он бывал таким веселым и приветливым, шутил и радовался маленьким радостям своих духовных детей, так что все чувствовали себя совсем свободно и непринужденно. Казалось почти несущественным, что каждый незнакомый стук в дверь, каждый случайно зашедший человек, будь то почтальон или кто-нибудь другой, могли нарушить покой маленького домика, и его хозяин должен был скрываться. Подобные инциденты бывали довольно часто. Это знали и чувствовали все, но страха не было. Находясь возле батюшки, каждый чувствовал над собою Покров Божией Матери и ничего не боялся. <...>

Любя жизнь во всех ее проявлениях и труд умственный и физический, батюшка никогда не оставлял и “память смертную”. Однажды Леночка по просьбе батюшки привезла ему гвоздей для каких-то строительных работ. Рассмотрев гвозди, батюшка отложил самые лучшие и дал К. И.²¹, чтобы она спрятала. “Эти гвозди дорогие”, – многозначительно сказала

²¹ Ксении Ивановне – одной из монахинь, в доме которых жил о. Серафим.

Леночке К. И., но Леночка не поняла, к чему это относится. Когда Леночка пришла в день кончины батюшки, она увидела эти гвозди. Они должны были послужить для сколачивания гроба. Батюшка за несколько лет до этого приберег их на день своего погребения.

Батюшка придавал большое значение благоговейному отношению к смерти. Он очень сокрушался, когда во время войны в народ был брошен лозунг “презрения к смерти”. “Куда же еще дальше идти?” – говорил он.

Ничто не казалось батюшке мелким или неважным. Он вникал во все интересы, зная, что за каждой вещью, принадлежащей человеку, скрывается какое-то движение его души. Иногда привезешь батюшке что-нибудь, например, яблоко или апельсин. Он с благодарностью принимал всё и затем часто возвращал привезшему как свое благословение, и вещь эта доставляла получившему ее особенную радость и утешение. Ведь в нашем повседневном быту мы почти постоянно утрачивали чувство, что всё, что имеем, каждый кусок хлеба – дар Божий. Без благословения Божьего вещи становятся мучительно мертвыми, перестают радовать, становятся или безразличными, или враждебными. Батюшка одним своим словом, одним прикосновением, даже своим присутствием восстанавливал правильное отношение к вещам. Призывая благословение Божие, он возвращал вещам жизнь, а людям – радость жизни.

Однажды, когда я была больна, батюшка прислал мне на-

клеенный на картон засушенный цветок под стеклом. Передавая его, он сказал: “Эту вещь подарила мне одна раба Божия с большой любовью”. Я не знала, кто была эта “раба Божия”, но было что-то глубоко ценное в том, что батюшка захотел передать мне через этот цветок любовь неизвестной мне души.

За столом батюшка сам делил и раздавал пищу, выслушивая рассказы всех, иногда сам что-нибудь рассказывал или читал вслух. Когда кто-нибудь рассказывал о ранних дарованиях или особенно интересных проявлениях у детей, батюшка всегда говорил: “Беречь, беречь надо!” Говоря о ребенке, батюшка как будто имел в виду не только данный период его развития, но и всю жизнь его в целом. Как-то батюшка сказал мне: “Хорошо, что вы так внимательны к Алику, но, привыкнув к этому, он такого же внимания будет требовать от своей жены”. Мне показалось, что батюшка шутит (Алику было всего 5 лет), но он говорил серьезно. <...>

С детства я любила поэтов, поэзия была стихией моей души. Батюшка глубоко понимал и любил поэзию, но, насколько я могу заключить из того, как он вел и воспитывал меня в этом отношении, он понимал поэзию как некоторую подготовительную ступень в развитии души. Я говорю “воспитывал”, потому что батюшка был воспитателем в самом высоком смысле этого слова: в смысле искусства устройства души, искусства, материалом которого является не мрамор, не краски, но тончайшие движения души, то стремление к бо-

жественному, которое вложил Господь в Свои разумные создания.

В своей переписке с батюшкой до крещения я часто использовала мысли и слова поэтов, и батюшка всегда горячо на них откликнулся, давая понять, что здесь только намеки, а полнота – в мире духовной жизни, в мире религии, где эти намеки раскрываются до конца и становятся реальностью.

Между прочим, батюшка очень ценил Гоголя и, упоминая об его статье “Размышление о Божественной Литургии”, говорил: “Даже не верится, что это написал светский писатель”.

После крещения батюшка стал подводить меня к иному пониманию взаимоотношений между поэзией и религией. Я понимала их односторонне, только как близость, согласно мысли Жуковского: “Поэзия – религии небесной сестра земная”. Противоположность между поэзией как искусством падшего человека и религией как средством спасения я поняла позднее и только благодаря батюшке.

Батюшка не советовал читать поэтов во время уединенного пребывания среди природы. Вернувшись домой после поездки в Саров, где стихи были уже совсем неуместны, я по привычке открыла Блока и прочла хорошо известное мне стихотворение “К Музе”, но открывшиеся мне строки я читала теперь иначе. Обращаясь к музе, поэт говорит:

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть.

“Да, – подумала я, – там весть о гибели, а здесь – весть о спасении...”

В то же время, когда речь шла о брате, о том, как приблизить его к духовной жизни, батюшка сказал: “Читайте ему стихи”.

Такова “диалектика” жизни души.

Я рассказала батюшке, что одна моя знакомая часто обвиняет меня в неискренности и даже фарисействе. “Не оправдывайтесь, – сказал батюшка, – вы будете спокойны”.

Батюшка никогда не отказывал в помощи, хотя бы заочной, и тем людям, которых он лично не знал. Когда Наташа²², жившая в Ленинграде, прислала своим подругам письмо, в котором высказывала свое крайне тяжелое душевное состояние, приведшее к тому, что вместо подлинно духовных ценностей стала гоняться за “зелеными изумрудами”, т. е. весьма сомнительными, а в сущности – демоническими образами, которые европейское искусство XIX–XX вв. так часто пыталось представить в привлекательном виде, батюшка сам взялся написать ей письмо с тем, чтобы кто-нибудь переписал его и послал от своего имени.

Батюшка строго относился ко всякой экзальтированности, которую он рассматривал как нарушение строя души, духовного целомудрия, как “прелесть”, чрезвычайно опасную для духовной жизни. Когда приехала А., она потребовала, чтобы Леночка ехала с ней смотреть на то “чудо”, ко-

²² Вероятно, речь идет о знакомой Веры Яковлевны Наталье Сереле.

торое, по ее словам, с ней произошло. Она нашла стоявшую в церкви икону Спасителя и, почувствовав, что она предназначена именно для нее, взяла ее себе и временно поместила у меня в комнате. Когда батюшке рассказали обо всем этом, он возмутился поступком А. и сказал: “Это не чудо, а воровство”.

<...> Батюшка высоко ценил труд и считал клеветой на христианство разговоры о том, что труд является проклятием для человека. Труд, как и наука, по словам батюшки, имели свое начало еще до грехопадения, когда Бог дал человеку Эдем для того, чтобы его “хранить и возделывать”.

Батюшка считал вполне естественным живой интерес к работе и даже увлечение ею. Помню, как-то на исповеди говорила о том, что, придя в день праздника Рождества Христова после ранней обедни на работу, я совершенно забыла, что сегодня Рождество, и вспомнила об этом только тогда, когда вышла на улицу по окончании работы. Батюшка сказал, что если бы можно было в этот день не работать, было бы очень хорошо, но раз надо работать, то это вполне естественно.

Батюшка очень отрицательно относился к тем, кто свое недобросовестное отношение к работе пытался прикрыть “принципиальными” соображениями. Ни при каких обстоятельствах он не допускал мысли о вредительстве или обмане при исполнении гражданских обязанностей. Но когда духовное лицо слишком горячо занималось общественной де-

ательностью, батюшка считал это явление довольно грустным. “Несмотря на мое глубокое уважение к о. Павлу Флоренскому, – говорил он, – мне было грустно, когда я однажды встретил его на одной из центральных улиц Москвы, очень спешившего по делам ГОЭЛРО (государственного плана электрификации) с пачкой бумаг в портфеле”²³.

Батюшка был очень любознателен. Однажды я пришла на исповедь с тяжелым чувством. Под праздник, вместо того, чтобы пойти в дом, где служили всенощную, куда усиленно звали меня, я предпочла пойти на лекцию об обучении слепоглухонемых – вопрос, который был тогда для Москвы новинкой. Батюшка ответил: “Это очень интересно. Несмотря на свой сан, я охотно прослушал бы такую лекцию”.

Вообще я часто чувствовала, что нет у меня такого рвения и таких высоких полетов, как у Маруси и Леночки, и это меня смущало. “Не смущайтесь этим, – сказал батюшка. – У каждой птички свой полет. Орел под облаками летает, а соловей на ветке сидит, и каждый из них Бога славит. И не надо соловью быть орлом”.

Однажды батюшка дал мне свечу и сказал: “Когда у вас на душе будет тревога, зажгите эту свечу и почитайте канон Божией Матери ‘Многими содержимь напастьми’”. Через несколько дней поздно вечером папу вызвали на допрос (как оказалось потом – по делу незнакомого ему человека,

²³ В те годы о. Павел Флоренский как инженер принимал участие в разработке плана ГОЭЛРО.

который случайно зашел к нему на работу). Я зажгла свечу, которую дал мне батюшка, и читала канон непрерывно до 4-х часов утра. В 4 часа папа вернулся. С тех пор этот канон является для меня неизменным спутником во все трудные минуты жизни.

Батюшка стремился ежечасно обращаться к Божией Матери сердца и мысли своих духовных детей. Он молился Божией Матери и при встрече, и при прощании с каждым из приезжавших к нему.

Батюшка не любил насиловать чью-либо волю, послушание должно было быть добровольным. Те, кто думал иначе, не понимали сущности его руководства.

– Она по неразвитости так говорит: “Батюшка велел, батюшка не велел”, – говорил он одной своей духовной дочери. – Батюшка ничего не велит.

Однажды одна девушка, расстроившись от того, что батюшка не дал ей благословения ехать к жениху в ссылку, сказала: “Больше, батюшка, я к вам не приеду!” – “Сама не приедешь, Мать Божия силком приведет”, – ответил батюшка.

Однажды я спросила, что означают слова “память вечная”, ведь память человека и даже человеческая не может быть вечной?

– “Вечная память” – это память Церкви, – ответил батюшка.

Исповедь батюшка обычно начинал словами: “Ну, как мы с вами живем?” Так что она носила характер обсуждения

всей жизни, всего того, что могло в правильном или искаженном виде дойти до сознания. Но батюшка видел глубоко и знал лучше меня, что происходило в моей душе, и освещал темные для меня стороны моих же собственных поступков или переживаний.

“Вот видите, как трудно разобраться”, – говорил он, указывая на то, какую опасность для души представляет жизнь без руководства, как легко увлечься стихиями мира или соблазнами свойственного человеку самообмана и самообольщения. Иногда, если долго не удавалось бывать у батюшки, я излагала свою исповедь в письменном виде и передавала через близких. Приехав к о. Серафиму, я находила это письмо у него в руках, подчеркнутым в разных местах красным карандашом. Он заранее знакомился с ним и отмечал те места, на которые считал необходимым обратить мое внимание».

В этой атмосфере бережного и внимательного отношения духовного отца рос маленький Алик.

Глава 5

Начало войны

«22 июня 1941 года был воскресный день и праздник всех русских святых, – вспоминает Вера Яковлевна. – Погода была прекрасная, и я в самом хорошем расположении духа собиралась в Загорск. Перед самым моим уходом Алик попросил меня: “Узнай, пожалуйста, у дедушки, будет ли война, когда я вырасту”.

У о. Серафима также всё было спокойно. <...> Часам к 12 к батюшке стали съезжаться люди. Кто-то сказал слово “война”. Оно показалось чужим, лишённым смысла, но каждый из приходивших, а их было всё больше, приносили те же вести, за которыми вырастала невероятная, чудовищная реальность внезапного вражеского вторжения вглубь страны.

Хотелось проверить еще и еще раз. Молотов²⁴ говорил по радио, были названы города, занятые неприятелем, города, на которые были уже сделаны налеты вражеской авиации. Война! Москва на военном положении! Москва вдруг оказалась далекою от Загорска. Какая милость Божия, что я оказалась в этот день у батюшки! Духовные дети батюшки приезжали из Москвы, из окрестных мест, чтобы получить

²⁴ Вячеслав Михайлович Молотов (1890–1986) – революционер, государственный и партийный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 годах.

указания, как быть, что предпринять, куда девать семью, детей, имущество; оставаться ли на месте или уезжать в эвакуацию и т. п. Батюшка должен был взять на себя всю тяжесть их решений, он должен был взвесить и определить место и судьбу каждого, успокоить всех, внушить веру и уверенность и правильное отношение к грядущим испытаниям по мере сил каждого. Наконец очередь дошла и до меня. <...> Я была очень возбуждена и говорила о том, что охотно бросила бы всё и пошла бы сестрой милосердия на фронт. Батюшка остановил меня. “В вас говорит увлечение, – сказал он, – ваше место не там. Вы должны оберегать детей. Завтра же перевезите Леночку с детьми в Загорск, найдите где-нибудь комнату в окрестностях. В Москве дети могут погибнуть, а здесь их преподобный Сергей сохранит”.

Прощаясь, батюшка особенно горячо благословлял каждого из своих духовных детей. Он знал, что каждого ждали тяжелые испытания: одних – смерть, других – потеря близких, третьих – болезни и скитания, многих – тюрьма, всех – лишения, голод и опасности.

“Начинается мученичество России”, – сказал батюшка.

И в этот страшный день особенной непреодолимой силой прозвучали слова: “Заступи, спаси, помилуй и сохрани Твою благодатью”».

Так запомнился Вере Яковлевне первый день войны. Когда вечером 22 июня она вернулась в Москву, то обнаружила резкую перемену. Город стал неузнаваем. Не было нигде ве-

сельных и приветливых огней, всё было погружено во мрак. Ей вспомнились слова патриарха Тихона, который сказал, засыпая в последний день своей жизни: «Ночь будет темной и длинной». Именно такими казались ей долгие ночи военного времени без огней.

«Леночка была с детьми одна, – продолжает Вера Яковлевна. – Они нетерпеливо ждали моего возвращения. Так изменилась вся жизнь с утра до вечера этого бесконечно длинного дня. И Леночка, и Алик очень обрадовались тому, что батюшка благословил ехать в Загорск.

Ночь провели с детьми в бомбоубежище, так как с вечера дана была воздушная тревога, причем мы так и не узнали, была ли эта первая “тревога” действительной или учебной. Утром начали собирать вещи». Шестилетний Алик в бомбоубежище взял с собой книги и большую часть ночи читал.

Недалеко от Загорска в деревне Глинково жили друзья Елены Семеновны. На следующий день после ночи в бомбоубежище она поехала в Глинково, где ей чудом удалось снять комнату. Она вернулась в Москву и вместе с детьми и Верой Яковлевной снова отправилась в Глинково.

«Была уже ночь, – вспоминает Вера Яковлевна, – когда мы добрались до деревни Глинково, в трех верстах от Загорска. Мы были, вероятно, одни из первых “переселенцев” из Москвы, и наш кортеж производил странное впечатление. Все вещи мы тащили буквально на себе, Алик устало брел за нами, а Павлика приходилось время от времени брать на

руки. На ночь мы устроились кое-как в первой попавшейся избе, так как было уже поздно, а на следующий день обосновались уже более прочно.

Устроившись в Глинкове, мы вчетвером направились к батюшке. Пройти три километра с маленькими детьми в жаркий день было нелегко. Когда мы добрались до Загорска, батюшка сказал: “Начинается паломничество к преподобному Сергию”.

“Вы будете жить здесь, как отроки в пещи огненной”, – сказал батюшка. И действительно, подле батюшки нельзя было чувствовать себя иначе. Кругом была паника, население металось, эвакуировали детей, угоняли скот, увозили машины. Вражеские самолеты проносились иногда так близко, что можно было различить изображенную на них свастику; по ночам над Москвой пылало зарево от бросаемых неприятелем зажигательных бомб. Но Леночка и дети чувствовали себя в безопасности. Когда я бывала в Москве, а Леночка уходила в бесконечные очереди за хлебом, дети оставались одни. Простодушные соседи говорили детям: “Вашу маму и тетю убьют, и вам придется пойти в детский дом”. – “Мы не пойдем в детский дом, – шептал Алик Павлику, – мы пойдем к дедушке”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.